

И. М. РИЗОВ

МЕДИЦИНА В АПТЕКЕ

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Эта книга — о Наде Рушевой, лауреате премии комсомола Тувы. Точнее — об артековском периоде ее короткой жизни.

Беспримерный творческий подвиг высокоодаренной девушки поражает воображение. Прожив немногим более 17 лет (31.01.1952 г. — 6.03. 1969 г.), Надя оставила после себя огромное духовное богатство — свыше 10000 рисунков. Окончательное число их никогда не будет подсчитано: значительная доля разошлась в письмах, сотни листов художница раздала друзьям и знакомым, немалое количество работ по разным причинам не вернулось с первых выставок.

- [В. М. Киселев](#)

- ☐

- ☐ [К ЧИТАТЕЛЮ](#)

- ☐ I

- ☐ II

- ☐ III

- ☐ IV

- ☐ V

- ☐ VI

- ☐ VII

- ☐ VIII

- ☐ IX

- ☐ X

- ☐ XI

- ☐ XII

- [notes](#)

- ☐ 1

- ☐ 2

- 3
- 4

В. М. Киселев
МЕСЯЦ В АРТЕКЕ

Крым. Судак. 1964 г.

Эта книга — о Наде Рушевой, лауреате премии комсомола Тувы. Точнее — об артековском периоде ее короткой жизни.

Беспримерный творческий подвиг высокоодаренной девушки поражает воображение. Прожив немногим более 17 лет (31.01.1952 г. — 6.03. 1969 г.), Надя оставила после себя огромное духовное богатство — свыше 10000 рисунков. Окончательное число их никогда не будет подсчитано: значительная доля разошлась в письмах, сотни листов художница раздала друзьям и знакомым, немалое количество работ по разным причинам не вернулось с первых выставок. Выполняя свои композиции в основном чернилами и тушью, Надя в совершенстве овладела техникой линейной графики. С пером в руках она осмыслила в зримых образах произведения более пятидесяти авторов. Рисуя «по воображению», она создала, помимо этого, массу сказок собственного сочинения, раскадровок никем еще в те годы не поставленных балетов, фантазийных сцен. Диапазон ее творчества невероятно широк, о его масштабности говорят названия таких тематических серий, как «Эллада», «Космос», «Воспоминания о Варшаве», «Восток» и многих других. Рушева первой вдохновенно проиллюстрировала сложный роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; созданные ею остро отточенные образы главных персонажей этой многоплановой вещи сразу же стали хрестоматийными. Признанные в искусстве авторитеты, академики Д. С. Лихачев, В. А. Ватагин, писатель И. Л. Андроников, называли Надю гениально одаренной девушкой.

Во время подготовки к печати этой книги пришло сообщение, что малая планета № 3516, открытая 21 октября 1982 года в Крымской астрофизической обсерватории, названа именем юной советской художницы Нади Рушевой.

О Рушевой-художнице написано немало статей и очерков. Становление ее личности обязано, однако, и непрестанному процессу углубленного самовоспитания. В предлагаемой книге Наде уделяется внимание преимущественно как делегату III Всесоюзного слета пионеров. «Слетовский» период комсомолка Рушева

считала для себя порубежным Она писала другу: «Моя жизнь делится на два этапа — до Артека и после». До крымских впечатлений Надя находила неизменно благодарные, даже восторженные слова, что для нее, натуры внешне сдержанной, было редкостью. Вернувшись домой, Надя организовала в классе клуб юных друзей искусства, стала редактором регулярно выходившей сатирической газеты «Класс-Инфо», полученный на слете опыт до конца помогал ей в интенсивной общественной работе.

Литературная хроника тридцати артековских дней создавалась на документальной основе. В ней использована обширная Надина переписка, воспоминания ее артековских друзей, главным образом, Олега Сафаралиева, рассказы работников Артека, знавших Рушеву. Неоценимую помощь оказала также мать Нади, Наталья Дойдаловна Ажик-маа. Благодаря ей свое особое место в повествовании заняли события, связанные с поездками девочки в Туву.

Надя родилась в Улан-Баторе, когда мать и отец ее находились там в командировке. Такое обстоятельство в свою очередь обусловило повышенный интерес девушки к Востоку, к жизни его народов, к культуре его древнейших цивилизаций. Этот непреходящий интерес находил постоянное отражение в искусстве Рушевой.

Судьба ее творческого наследия отличительно счастлива. Персональные выставки Рушевой прошли во всех регионах страны, а также за рубежом — в Японии, Монголии, Польше. Число их за 23 года превысило 160, и в истории искусства эта цифра беспримерна. За короткий срок с графикой Нади познакомилось около четырех миллионов человек. Мгновенно разошелся, едва появившись на книжных прилавках, массовый тираж ее альбома. Во всесоюзных музеях постепенно сосредотачивались тематические серии; все ее рисунки к произведениям Л. Н. Толстого, около 450 листов, приобрел, к примеру, московский музей писателя. В Кызыле, в музее им. 60-ти богатырей, находится представительное собрание Надиных работ, известное как коллекция В. П. Ермолаева, которое должно в ближайшее время пополниться щедрым даром матери Нади, решившей передать в этот музей еще значительную часть работ не только дочери, но и Надиного отца, Николая Константиновича Рушева.

Фамильный фонд Рушевых, отца и дочери, создан в Пушкинском доме. О необычной судьбе Надиного рисунка «Мальчиш-Кибальчиш» рассказано в хронике; ее эпилог консультировал дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Г. М. Гречко.

Искусство Рушевой, известное теперь уже далеко за рубежом, достойно стать нашей национальной гордостью.

В книге желательно было воспроизвести такие рисунки, какие ранее нигде не публиковались и даже не выставлялись, поскольку одни оригиналы находятся в частных собраниях, другие содержатся в переписке и не имеют копий и т. д. Некоторая часть иллюстраций подобрана по этому принципу. Многие репродукции являются малоизвестными, т. к. печатались малыми тиражами, в буклетах и других эпизодических изданиях. Но настоящее издание знакомит читателя и с широко известными, вершинными творениями с самобытной художницы, созданными ею, главным образом, в послеартековский период. Публикуемые рисунки выполнены в основном пером, реже — фломастером, в некоторых Надей применялась заливка тушью, — такие приемы особенно характерны для ее техники, манеры исполнения. Главы из хроники читались в Артеке на сборе вожатых дружины «Полевая». Отмечено, что жизнь артековцев едва ли не впервые показана в этих главах как бы «изнутри», в правдивой повседневности, а не как обычно, с «парадной», внешней стороны. Говорилось и о том, что образ Рушевой воссоздан с должной полнотой и достоверностью. Рукопись имеет пометку начальника дружины: «Читал и соглашаюсь. Евгений Васильев. Артек. 25. 10. 1980 г.»

Наде 16 лет.

Деньги в семье Рушевых не водились. Совсем не потому, что родители Нади хозяйничали плохо. Наоборот, каждая копейка была «соленой» и на счету. Экономили на всем: двести пятьдесят эр на троих, совсем не густо. При переезде из шаболовской коммуналки в Царицыно — отдельная квартира! — все сбережения потратили на мебель. Тумбочки по двадцать два, книжные полки по четырнадцать, про гарнитур и говорить страшно. О летнем отдыхе в Судак или Сухуми перестали и мечтать. О даче — тоже. О деревне — тоже. Каникулы предстояло провести чинно и мирно у себя на пятом этаже.

И все же первое царицынское лето в том памятном 1966 году оказалось, как у Федина, — необыкновенным. Парк возле казаковских руин (руины времен Екатерины!) был еще не исхожен, купанье оказалось под рукой, Коломенское — рядом, со всем его соборным великолепием; грибные дали приблизились. Можно было рисовать сколько хочешь, при том же — на балконе! Чудо! Само собой, приходилось помогать и маме. Да, в первое царицынское лето дома скучать не приходилось.

Но вот пронесся год, и почти все переменялось. Окружающий район, москворецкие пустыри и рушевский «персональный» бугор на них были освоены. Рассыпался песочным домиком восьмой «а», к которому за первый учебный год она едва-едва привыкла. Многие одноклассники пошли в училища, перевелись в другие школы. Новые строения заслонили чудесный вид из окон и с балкона, парковые дали. Изменилось многое, и только денег не хватало, как и прежде. В середине июня ученица четырехста семидесятой московской школы Надежда Рушева отправила на далекий Серпуховский вал своей давней шаболовской подружке Федоровой грустноватое письмо:

«Дорогая Зочка! Экзамены я сдала! Алгебра — пять, геометрия — четыре, русский — четыре, литература — четыре. Напиши, какие ты получила оценки. Итоговые у меня все четверки.

Летом буду сидеть в Москве, как и в прошлом году. А ты куда-нибудь поедешь? Целую. Надя».

Думалось-подумалось: вот бы снова напечатали ее рисунки в каком-нибудь журнале! Хотелось, чтоб журнал был «взрослый», а не детский, — платили только «взрослые». Можно было бы поехать хотя бы в знакомую деревню Шкинью. Но папа уже давно и решительно перестал возить ее рисунки и в «Модели сезона», и в «Журнал мод», ему наставники сказали, что это все не творчество. И у самого папы подработки нигде не ожидалось.

О журналах повздыхалось и тут же позабылось: стала перечитывать Толстого, запоем рисовала, всех более Ростовых, бегала в магазины с думой о любимице Наташе, о Пьере... И вдруг...

И вдруг все перевернулось, но не так, как в романе, где война заслонила все счастливое, а как в сказке, где в трудный час появляются добрые волшебники, эльф и фея. Прошло всего девять дней, и она села за новое послание, черкала, торопясь, розовея от счастья и волнения:

«Дорогая Зюечка! У меня новость: ЦК ВЛКСМ

посылает меня в Артек!..»

Ее неожиданно и срочно вызвали в городской комитет комсомола, там собирали отъезжающих. Пятнадцатого июля в Крыму должен был открыться третий Всесоюзный слет пионеров! Посвященный полувековому юбилею Октября! И ее направляли туда делегатом от столичной пионерии!

Общий сбор в горкоме — и домашние сборы в путь, к Черному морю...

В ее жизни полтора года назад случилась такая же чудесная дальняя дорога. Только исполнилось четырнадцать лет, как ее направили с персональной выставкой в Варшаву, от общества советско-польской дружбы. Но тогда в поездку за рубеж отправлялось всего шесть ребят, и рядом с нею была опытная спутница, Ирочка Баранова.

А что обнаружилось на Курском? На вокзале сгруппировались сорок делегатов! Ее окружили заводилы, активисты, вожаки дружин, отрядов, начальники штабов. Нетрудно было понять, что все они по общим сборам и походам давно друг друга знают. А она оказалась дочкой-одиночкой. Поневоле отдалилась, нахохлилась и приумолкла. Альбинос, белая ворона. Пришлось пережить неловкие минуты. Пухлый живчик с невиданным значком на форменке вздумал пообщаться, медленно приблизился и коротко спросил: — Из какого штаба?

— Я не из штаба, — призналась она сдавленно.

— Председатель отряда? — не унимался пухлячок, и голос у него возвысился до командирской ноты.

Она повертела головой, отвергла председателя. — Звеньевая? — продолжал осведомляться допросчик, теперь уже сочувственно.

— Не звеньевая, рядовая, — отрезала она в сердцах. — Просто делегат.

— А, собаковод, — неизвестно почему решил дотошный мальчишка. — Ну, давай! — милостиво разрешил он неизвестно что и удалился.

В вагоне стало легче. Людмила Ивановна, ответственная за доставку делегации, обратила внимание на ее сиротство (близкий человек, она и прежде встречала Людмилу Ивановну во Дворце на Ленинских горах: старший методист или инструктор...).

— Надя, ты чего тут жмешься в проходе казанской сиротой? Останешься без места. А ну, шагай за мной!

Людмила Ивановна увела ее из коридора, устроила к девочкам.

...Ей везло на дорожных Ирин. В купе выделялась Макарова

Ирина! Несомненный лидер. В дверях то и дело раздавалось: «Иришка, послушай!..» или: «Где Макарова?» Из-за малого росточка точеный носик и очки у Иришки оставались постоянно вздернутыми. Еще и не отъехали, а в их девичнике перебивал, наверное, весь делегатский цвет.

Макарова, когда разговорились, оказалась и впрямь именитою особой. Невеличка, хрупкая, а между тем отвечает за дружину во внуковской школе имени Тарана, где учатся дети авиаторов. Иришкины пионеры создали у себя музей гвардейской славы, стали шефами сельской школы (где-то в Передельцах), ходят на строительство Дворца культуры. Еще сто дел. Дружине трижды — трижды! — присуждали знамя ЦК комсомола, после этого его оставили внуковцам на вечное хранение. Такая невеличка...

У ребят выделялся Рафик Айсин, мускулистый десятиклассник; черная прядь косым зачесом через весь лоб, в голосе булат и брови саблями. Штабист и районный знаменосец. Его район, Куйбышевский, был в Москве, разумеется, одним из лучших, а вернее — «самый-самый»! По всем статьям: по трудовым десантам, по «Зарнице», по тимуровской работе, по «Эстафете поколений», по декаде «Зеленые друзья», по... по... по... Она слушала Айсина, Макарову, других ребят и тоскливо перебирала в уме свои комсомольско-пионерские заслуги. В сравнении с делами остальных ее стенгазеты прозвучали бы в общем хоре мышинным писком. Три ха-ха!..

На время отвлеклась. Поезд катил как раз мимо Царицына, и она засмотрелась, как плавно кружили по хохловским склонам панельные кварталы, как появилась, проплыла на взгорке и пропала за оконной рамой ее четыреста семидесятая. Она хотела показать Макаровой: «Вот где я живу», но не показала. И свой «персональный бугор» тоже позорно проворонила...

Перед отъездом она пренаивно полагала, что в Артек ездят главным образом загорать и купаться в море, ходить в походы, посещать музеи. Детский иллюзион, ничего подобного. Суть слета заключалась в том, что делегатов собирали для важных дел, для учебы, для обмена опытом. Это главное. В горкоме комсомола перед отъездом шел сугубо серьезный разговор: они, посланцы столицы, обязаны поведать сверстникам о своей массовой работе. Вот именно — о массовой! В Москве ее итоги весьма весомы, тут и сотни тонн собранного металлолома, тысячи книг, отосланных в колхозы и на новостройки, помощь строителям, десятки тысяч посаженных деревьев и всяческие начинания, методы и формы. Говорилось, конечно, и о самодеятельности, но больше об ансамблях, о танцорах и певцах; о художниках — ни слова!

Возникал вопрос: какой же опыт будет передавать она сама? Определенно белая ворона, альбинос, если по-научному. В самом деле, не рассказывать же слету про свое монументальное панно, которое недавно укатило в Геную, на выставку детского рисунка! Это уж передачей опыта никак не назовешь...

Она ломала голову в общем-то напрасно. Проехали Подольск, и в купе вслед за Рафом протиснулся пухлячок (его тут звали кто Даней, а кто и Дантоном!) И тут же все ее сомнения весело отпали.

— Айда! — ее недавний допросчик нетерпеливо потянул из купе Рафа. — Уточним дежурства. Так ты художница? — обернулся Даня и в ее сторону. — Что ж ты говорила?.. (А что она говорила?) — Значит, будешь работать у нас по оформлению!

Пухлячок утащил Рафа, и она вздохнула с облегчением. Естественно разрешился вопрос о ее неясном назначении. Разумеется, и прежде думалось о том, что она будет занята на слете «оформлением». Но она и не предполагала, что такое сочтется за работу. За ра-бо-ту!

Очень просто открылся и второй ларчик. Даня не глумил, когда произвел ее в собаководы. Галя, третья девочка из их купе, везла на слет (где-то отдельно) ученую овчарку, должна была подарить своего Мухтара крымским пограничникам. И Галя все время проводила в соседнем купе, там ехали дрессировщики.

Как было бы хорошо, если б в жизни и дальше разрешались так просто все сложные вопросы!..

Людмила Ивановна предупредила: в Симферополе новая эвакобаза еще только строится, и принимать их будут на старой. Такое сообщение было пропущено мимо ушей: не все ли равно, какая там эвакобаза (что за холерное название?!).

Поезд застопорил, в окно втянулась людская толчея, цветочные вазы и длинная желтизна вокзала. Пока топали по раскаленной сковородке площади, она успела слизать два пломбира. Вышли на умильную улочку: дома как у Ван Гога, с кровлями из черепицы! И еще — водоразборные колонки! Такие же, как и в старом Царицыне: фасонное литье и тугие ручки, с лязгом открывающие воду; струя бьет как из пушки и до ломоты леденит зубы. На колонки активисты накинулись скопом и все пообливались.

Конец улочки запружала ребятня, оттуда неся гомон, фыркали автобусы. Москвичи пришли к эвакобазе.

Здравницы Крыма в оправе парков хорошо помнились, поэтому об Артеке ей думалось в стихах. На даче у папиной родни она однажды отыскала сборник Веры Инбер и запомнила мажорную строчку о городе грядущих лет: «Там будут розы на

стеклянных крышах!»

Розы на стеклянных крышах... таким виделся он, ее Артек.

Эвакобаза была его частицей. Задрипанный особнячок, всего шесть окошек. Посередине фасада вход, крыльцо с претензией на пышность, в округлых балюстрадах, над ним помятый железный козырек и фонарь, поржавелый и разбитый. «Руины времен Екатерины». Их делегация влилась в разноплеменную толкучку юнцов, митингующих у балюстрадок. Голова кругом, — всеобщая возбужденность и сумятица. Людмила Ивановна исчезла в облупленной эвакобазе.

Время от времени с крыльца разносились приглашения-команды: — Чувашия, температуру мерить!

— Кто в «Лазурный», — на обед! За угол, построиться!

— Душанбе, на поверку, во двор через ворота!

— Группа Сафьяновой, к автобусам!

Эвакобаза находилась возле перекрестка, где теснилась автотехника. На «Икарусах» пылали эмблемные костры, волнистые полосы на их боках голубели морем, а надписи гласили — Артек. Группа Сафьяновой вырвалась из толчеи и кинулась на штурм ближайшего «Икаруса».

Градусники заверили, что москвичи здоровы. Они собрались в углу двора, и Людмила Ивановна разъяснила дальнейший распорядок. Делегация распадалась: всех развели «по интересам». Активистов, основную группу, направляли в лагерь «Горный», «зарубежники» должны были ехать в «Морской», «друзья пограничников» — в «Лазурный», спортсмены — в дружину «Озерную».

— Я сейчас уеду с ребятами в «Алмазную», — сказала Людмила Ивановна, — а ты, Надюша, пока останешься здесь. Тебя записали в дружину «Лесная — Полевая». К сожалению, одну. Туда берут тех, кто увлекается искусством. Но ты не горюй. Из этой дружины сюда приехала вожатая, ее зовут Наташей. Она берет тебя в свой отряд. Я тебя с ней сведу, вы вместе и уедете. Она тебе понравится.

Легко сказать — не горюй! Только что стала привыкать к Иришке, Гале, Рафу и Дантону — и вот, пожалуйста...

Как только она увидела вожатую — свою! — так и просияла: не нужно никакой другой. Наташа оказалась необычайно привлекательной. Не взгляд, а солнечный душ, обдает сплошными блестками. Самое неказистое у человека, уши, не замечались у Наташи; они исчезали в завитках волос еще искуснее, чем на всех безухих рисунках. В добавление ко всему идеальное сложение, персиковый загар и артековская форма: пилотка и юбка — густо-голубые, блузка — ярко-желтая, алые

значок и галстук. Море, солнце и костер. Не вожатая, а дива из ансамбля Моисеева.

— Жди меня! — сказала Наташа, совсем как Симонов. — Я здесь по управленческим делам, но меня просят увезти отсюда спортсменов, целую сборную готовят. Сейчас их оформят, и мы поедем.

Сборную оформляли часа два, если не больше. Удивляясь тому, что не томится ожиданием, она просидела эти часы в тени вековой акации на перекрестке, откуда хорошо смотрелись обе улочки, имени Хацко и генерала Крейзера. Времени было достаточно, чтобы навек запомнить звучные имена на уличных табличках. Но кто такой Хацко и чем прославлен генерал?

Было занятно наблюдать сотни детских типов и типажей, горячечные лица, глаза юркие и осовелые, всякого рода коноплюшки и косицы, мимический театр. Из всех москвичей с ней попрощалась одна лишь Иришка, да и то на бегу: догоняла своих, ушедших на посадку, махнула рукой, крикнула вразбивку: — Встретим-ся в Арте-ке! — и нырнула за угол.

Единственный момент, когда одинокой стало вдруг не по себе. Пришлось переключить внимание не только на ребят, еще и на обитателей вангоговских домишек. На улочках, написанных сарьяновскими красками и выжженных неподвижно жарою, жизнь почти замерла. Лишь изредка в калитках появлялись женщины и старики, чаще дети, и все — с ведрами. У колонок иногда возникали разговоры, обитатели вели их медленно. И расходились медленно. Полный контраст с пионерской суетой сует.

Густо-фиолетовая тень акации незаметно переползала с одной улочки на другую. Разморило, и она сама вздремнула, пока около не пристроились мальчишки в тюбетейках. Тюбетейки напомнили про Восток, про Туву, про землю мамы.

Соседи, к ее удивлению, затараторили про Крейзера. Она услышала, что дивизия генерала первой вошла в освобожденный Симферополь. Было неясно, где же успели заполучить мальчишки историческую справку. Знатоки рассуждали о том, что войска не могли ворваться в город по узкой улочке. Она прислушивалась, полускрыв глаза, и жмурилась до тех пор, пока воображение не стало омрачать городской пейзаж. Двое прохожих постепенно запрудили тротуары и дорогу, потом они же повалили густыми толпами солдат и офицеров. На стоянке «Икарусов» загромыхали бронетранспортеры. Бабенка, семенившая с кошелкой, мигом похудела, стала старушкой и кинулась, уже без ноши, на шею ближайшему солдату, — с забинтованной головой. Контуры военных картин прочерчивались, правда, расплывчато и трудно,

совсем не так, как четкие линии мирной жизни, — балетных сцен или приключений Маленького принца. Но все-таки прочерчивались. И на забинтованном виске солдата проступила кровь...

Дивизия генерала Крейзера врывалась в город около нее недолго. Опять засветились сарьяновские краски, опустел перекресток, с новой силой зазвенела птичья перекличка слетовцев-артековцев. Да, теперь уже артековцев!

Когда она дома торопливо собиралась на слет, папа то и дело повторял:

— Запомни: после Алушты будет Рабочий уголок, мы отдыхали там, когда тебе было всего пять лет. Это место твоего рисунка, который впервые нам запомнился: ты ведь начала тогда прямо с балеринок!

И через минуту снова:

— За Алуштой увидишь Рабочий уголок...

Папины справки-наставления вспоминались всю дорогу. Но когда Алушта осталась позади, море придвинулось к их «Икарусу» так близко, что все спортсмены — и она первая — с восторженными кликами поприлипали к окнам, забыв про все на свете, вбирая в себя лишь одно — блестящую голубизну. Рабочий уголок, где появились на свет ее памятные балеринки, бессовестно промелькнул поэтому где-то под горой и остался незамеченным. Про папины наказания она вспомнила снова только в сумерках, когда их автобус вдруг повернул на спуск, и Наташа с улыбкой — в ее голосе услышалась и улыбка — сказала с расстановкой: — Вот мы и доехали!

Чернильная тьма над морем и ослепительная столовая остались позади. Наташа сдала сборную в «Озерную» дружину, и они пошли в свой «Прибрежный» лагерь.

— Оформлю тебя завтра. Теперь первый отряд в сборе: ты последняя. Наш корпус называется «Фиалка», твоя комната десятая.

«Наш корпус называется „Фиалка“,» — Наташина фраза прозвучала музыкой. Хотя Артек уже засыпал — прохожие попадались редко, — сверху действительно доносилась музыка. Они без конца лезли в гору: то лесенки, то крутые кремнистые дорожки. Вокруг все походило на феерию. Они залезали в непроглядную пряно-колючую чащобу, выбирались на площадки с гирляндами цветных лампочек. Скрытые кое-где в зарослях светильники подсвечивали зелень ярко, словно декорацию. Матовые торшеры смягчали полутьму аллей до лунного оттенка. Возникали причудливые здания, излучая сквозь деревья призрачный полусвет. Море шумело за спиной все глуше. Она поражалась, как свободно движется Наташа посреди сплошной путанки тропок и зарослей, цветочников и камней, осыпей и плит, указателей и загорожок, среди магнолий, пальм и розариев. Пыхтела и повторяла про себя на все лады: «Неужели я в Артеке?», «Разберусь ли я когда-нибудь в этих дебрях?» Наташа остановилась, обернулась и сказала: — Дай чемодан. Передохни!

Они оставили шоссе, похожее на пандус. Несколько строений открылось одновременно, светясь уступами на пологом склоне. Наружная колонна ближнего корпуса легко несла на себе зигзаг лестницы. Над ее козырьком отсвечивал медно-ажурный флюгер с узорчатой строккой: «Фиалка». Достопамятное место!

Вот мы и добрались, — произнесла Наташа, ничуть не задохнувшись. По лестнице сновала ребятня с огненными язычками галстуков. «Вы почему не в корпусе? Обрадовались, что меня нет? Спать, спать, спать!»

Они взошли на верх, десятая оказалась почти в конце веранды. Сменная обувь горками громоздилась у дверей. Птичий гомон оборвался, и двадцать зрачков уставились на них, стоило только появиться на пороге.

Ох, уж эти первые минуты общего знакомства! Молчаливая оценка новоприбывшей. Неловкое освоение тумбочки и постели, муторная распаковка чемодана... Лучезарный вечер! Потому что с Ольгой они тогда и подружились.

Блекловолосая девочка, чистя зубы, близоруко разглядывала

себя в зеркале возле умывальника. Они обменялись изучающими взглядами. Девочка протянула осторожно и в то же время словно давняя знакомая:

— Ты приехала? Я тебя ждала и узнала: ты Надя Рушева. А меня зовут Ольгой. Нам о твоём приезде сообщали. Я договорилась: если хочешь, моя соседка, Ритка, поменяется с тобой местами, и наши кровати будут рядом...

Утро выдалось, как из присказки: мудренее вечера. Благодаря подруге освоение «Фиалки» произошло быстро, весело. — Ты проснулась? — раздался Ольгин шепот, когда она пошевелилась, а остальные еще мертвецки спали. — Я не хочу продрыхнуть это утро. Давай удерем на крышу.

— Здесь наш солярий, — последовало разъяснение, когда они, полуодетые, выбрались на плоскую кровлю, ежась от прохлады. — Какая красотища! — вот именно, даже утром Ольга не хотела ни о чем расспрашивать, а только вытащила ее к небу и тихонько воскликнула: «Какая красотища!» И тут же поправилась: — Жирная красотища! — в этом сказала вся Ольгина особенность.

Ночного путаного Артека как и не бывало. Узнавались пастельные оттенки Крыма. Лучи над Аю-Дагом еще не намечались. Но палевое небо за горою все же разгоралось. Силуэт медведя на утреннем восходе горбатился округло-резко. Деревья, листья, решетки возвращали себе отчетливые очертания. Там и сям в ясную синеву бескровно втыкались черными остриями кинжалы кипарисов. Вдали и внизу пряталось море. По дымящей голубизне на месте горизонта тянулась полоса тумана; прямолинейная, как у Рокуэлла Кента. Неподалеку, в зеленой глубине листвы, белел углом нижний корпус.

— Это «Незабудка», — пояснила Ольга.

Именно потому, что ее ни о чем не спрашивали, она рассказала Ольге многие подробности; раньше такой легкой доверительности за собой не замечала. Через полчаса они все знали друг о друге. Ну, почти все... Ольга жила на целине и тоже перешла в девятый. Ее отец славился — директор крупнейшего совхоза. Основой жизни подруга считала независимость. Давно и случайно она прочла в «Юности» статью Кассиля, увидела рушевские фото и рисунки. Вывод: «Чудесно, твои рисунки независимы!» Оставалось не совсем ясно, что значит «независимы». Может быть — неподражательны? Важнее было другое: слышать искренность утверждения.

Было расчудесно, что Ольга узнала о ней все хвалебное со стороны. Из прессы. Чтоб не остаться в долгу, она поведала о своих родителях: отец — художник на TV, а мама стала

балериной, причем первой, у себя на родине. В Туве. После войны папа работал художником в кызылском театре, там они и познакомились. А потом и поженились. Что же касается ее самой, то она родилась в Улан-Баторе, когда родители были в заграникомандировке. Но мама сохранила свою девичью фамилию — Ажикмаа, так принято у театралов.

О собственном художестве добавила только одно: рисованию нигде и не училась. Посещала, правда, изостудию, но и там ее общими уроками никогда не мучили, сотворяла все, что хотела, в собственной манере.

— Вот видишь, все верно, — откликнулась подруга, обдумав ее данные, — ты уже с детства оказалась независимой. Я считаю, что ты дочь революции, — последовал ошеломляющий вывод. — Не выпучивай глаза. — Последнее было добавлено командирским тоном. — Суди сама: если бы не революция, твой папа в Кызыл и не поехал бы, с мамой встретиться не смог бы, в Туве ему дела при царях и не нашлось бы, театра там ведь не было. И ты бы не возникла. Ясно? Кроме того, ты человек интернациональный: у тебя и тувинская кровь, и русская, родилась ты в Монголии и успела уже съездить в Польшу, дружишь с харцерами. Обо всем этом будет очень интересно рассказать на сборе, — готовься! А

фамилия у твоей мамы очень милая и звучная, — закончила Ольга уже гораздо мягче.

Разговор перешел на другие откровения. В Артеке Ольга пробыла сутки и уже выходила на линейку.

Могу тебя огорчить: интересных мальчишек в отряде пока не обнаружено, хотя есть и швейцарцы, и австралийцы.

Интересный мальчишка в отряде все же отыскался благодаря Марку. Но это случилось позже, а вначале Марик-Шоколадка был еще Марком Антоновичем. К вечеру Марк Антонович появился на пороге их десятой комнаты. По первому впечатлению подумалось: «Вот он, интересный мальчик!» Марк Антонович походил на старшеклассника: ростом ниже Наташи, тонкие черты носа, рта и подбородка, хрупкая фигура; в шортах, как и все ребята. Один загар отличал его от белотелой смены: сплошной шоколад «от шапочки до тапочки», — рифма Ольги. Но разве мало школьников едет в Артек с готовым загаром из Грузии, Молдавии?

Он появился в дверях с неуловимой улыбкой, представился вожатым и обратился безошибочно: — Надя Рушева?

— Да, — ответила она, недоумевая.

— Будешь художником у нас в пресс-центре. Девочки, кто еще рисует? Кто работал в редколлегиях? Кто умеет писать заметки, стихи, прозу и тому подобное? Всем талантам найдется применение.

Молчание обещало растянуться надолго, если бы не Ольга. Подруга вытянулась в струнку и выпалила, будто рапортуя: — Редактор школьной стенгазеты. Пишу стихи, заметки и тому подобное!

— Вот и чудесно! — восхитился Марк Антонович, абсолютно не придав значения «тому подобному», Ольгиной иронии. — Кто же третий? Где две, там и троица...

Третьей оказалась Рита, дева плотнотелая, красногубая и масляноглазая. Объяснила нерешительно: — Рисую... и Ольга откровенно сморщилась. Марк Антонович еще раз назвал себя и улетучился, пояснив, где и когда надобно собраться: — Спешу, надо поискать вундеркиндов на нижнем этаже.

— Вот уж не подумала, что у Наташи такой коллега, — вслед за вожатым она и Ольга вышли на террасу.

— Да, такой вот, — отозвалась Ольга. — Я ему про редактора соврала, потому что мы должны работать вместе. Иначе тебя закабалят в этом самом центре. Но вместе мы будем независимы. Тоже мне, — нескрываемо-презрительно добавила подруга, глядя за перила: — Представляешь, как сейчас вовлекаются мальчишки? «Я только что набрал вундеркиндов на верхнем этаже».

Последнюю фразу Ольга протянула голосом вожатого.

Подражание получилось у нее талантливым, обе рассмеялись.

...Ольга осталась права только в одном: загрузка на них свалилась колоссальная.

Артек. Интернациональный вечер. (16 лет.)

— Ну, дети мои, — вполне серьезно встретил их Марк Антонович, когда они, три грации, пришли в пресс-центр, в «Калину», — начнем оформлять нашу обитель, корпуса, все на темы слета. Надо срочно развернуть «Алый парус», отрядную газету. Мы будем делать ее не для стены, а для воздействия и действия. Пока же плакаты и плакаты! Располагайтесь на столах, полах, в любых удобных позах. Нужна продукция.

Их ожидали фломастеры, перья, краски и линейки. Она и Рита растянулись на полу. В волосы пришлось воткнуть заколки. Пахло магнолией, в окне шуршала солнечная занавесь. Вошел Васильев, начальник дружины; его кабинет находился по соседству. Имя-отчество начальника легко запоминались: евтушенковские, Евгений Александрович. Никогда не подумаешь, что высокое начальство. Профиль, правда, цезаря, спортивная выправка, но обращение простецкое. «Лесникам-полевикам» недаром говорили: «Вы попали к лучшему из лучших». Васильев

подошел к Марку Антоновичу, римский профиль оживила легкая усмешка:

— У тебя, я вижу, штаты подбираются...

Начальство познакомилось со всеми и еще не удалилось, когда появился рыжевато-длинновязый парень с точками-глазами.

— Вова, наш фотограф, лауреат районной выставки, — представил подкрепление Марк Антонович и добавил: — Единственное дарование с лейкой и блокнотом, которое мне удалось открыть у мальчиков.

Фотограф принес пробные снимки. Марк Антонович с ним и с Ольгой сел за план первого «Паруса», — и пошла работа.

То, что не особенно умела делать она сама, — вычерчивать шрифты, — любила делать Рита. Пионеров напарница выводила дотошно, в целости-сохранности. Пышно вздохнула, сравнивая готовые творения: — Я так не привыкла, — у твоей вожатой нет уха. И пальцев не хватает...

— Превосходно! — примирительно одобрил все плакаты Марк Антонович. — Когда стили разные, богаче оформление.

— Так это от тебя пахло магнолией, — догадалась она позже, когда на вечерней прогулке с Ольгой обсуждался прожитый день.

— Все к лучшему, если мои сомнения не оправдались, — вместо ответа сухо заметила подруга. — Честно говоря, не думала, что Ритка окажется находкой для искусства. А с ним сработаться легко. Ему филонить не придется. Я убедилась, он кое-что умеет.

— Это ты про лауреата?

— При чем тут лауреат? — буркнула Ольга. — Это я про Марк-Антоныча.

— Восемь плакатов... он ахнул: — У Рушевой феноменальная продуктивность. С ним будет нетрудно и нескучно. Он твой земляк, москвич, и кинолектор, читает о Софи Лорен, Феллини, живет возле Третьяковской. А здесь нанимает комнату в Гурзуфе, с женой и дочкою. Откуда ты узнала?

— Об этом все тут знают, — небрежно обронила Ольга. — Я еще узнала, что на слете гостят ваши московские танцоры, ансамбль «Школьные годы». Вот где мальчишки сплошь чокнуты на танцах. И, безусловно, на искусстве...

Вера Инбер ошиблась, город будущего был уже построен. В нем росло множество роз у стеклянных стен, он имел имя такое же звонкое и влекущее, как и порты Грина: Артек. По его земле прошли пионерами Пушкин и Надежда Константиновна, на ней ждали приезда первого космонавта. Но главное, здесь любой взрослый был способен сказать, как и Марк Антонович: «Ну, дети мои!», и всегда это звучало обращением на равных. Здесь учились

плавать и мастерить модели, убирать виноградники и сажать акацию. Это была земля детей, и на ней не проступало жирных пятен жадности, зависти, чванства, вероломства, суесловия, жестокости. Разве только отзвуки...

Тринадцатилетний подросток, как говорили — одна кожа да кости, — прилетел гостем из Южной Африки, ему помог «Красный Крест». Негритенок стал бы черным, если б даже родился белым: гнулся на пекле по двенадцать часов в сутки, помогая грузчикам в порту. Ребята заметили, что Руди не доедает ужины, прячет в жестянках завтраки, остатки краковской и сыра. — Зачем ты это делаешь? — спросили у Руди и едва добились ответа:

— У меня четверо детей, я повезу им вкусное...

Детьми Руди называл братишек и сестренку; они никогда не ели краковской и сыра. Негритенка с трудом уверили, что отряд соберет ему к отъезду все свои сухие пайки, все последние обеды, ужины и завтраки, все до крошки. Это случилось в первые дни слета в «Морском» — и слышалось в «Прибрежном». Как нарисовать Руди? У брошенных банок и жестянок? Как нарисовать его в тот момент, когда пионеры твердят ему о пайках к отъезду, как передать в его глазенках переходы от забитости к открытости, от испуга к благодарности, от неверия к доверию? Серовская задачка: стайка воробьев испуганно вспорхнула с места, треща массой крылышек. Фр-р-р!!! Попробуй, улови и передай мельтешенье взлета. Его не осилил и Серов! Тема для мультфильма?..

Стадион располагался на плато, отсюда открывалось полмира, пол-Артека. За широкой впадиной у подножья Аю-Дага поднимались корпуса «Горного»; там делились опытом ее москвичи: Иришка, Раф и Даня. Правее, у самого берега, среди пальм, тянулись цепочкою коттеджи «Морского» лагеря; там набирал силенок Руди. Их любимый «Прибрежный» начинался рядом, за шоссе. Всюду готовились к открытию слета, отряд возвращался со стадиона, после строевой проходки. Разговор по дороге сосредоточился на Вовке. Лауреат, помимо пленок и проявителей, любил еще растения и собирал гербарий. Это выяснилось утром, когда Вовка фотографировал Ольгу на фоне зарослей, качавших шикарными султанами. — Интересное чудо-юдо, откуда только родом? — обронила Ольга, и Вовка мигом отозвался: — Пампасная трава! — стал распространяться о различных аспарагусах и, язык сломаешь, об араукариях.

— Вовуля, ты будешь фотографом-ботаником? — потупляя глаза, спросила Ольга так воркующе-ласково, что Вовка раскалился до рыжего вихра. По дороге со стадиона подруга сообщила последние известия:

— Мальчишки нарекли этого Вовика Психом, и сегодня он уже на это прозвище откликнулся.

— Гадость, — она перебила Ольгу и мучительно поморщилась. — Откуда эта гадость?

— На первой линейке, — ты до нас еще не доехала, — он стоял перед Риткой и крутился, как обсыпанный клопами. Ритка не вытерпела, а имени еще не знала, и брякнула: «Псих, стань позади меня и крутись отдельно!» А сегодня слышит, ребята ему советуют: «Псих, стань позади и снимай отдельно!..» Представляешь?

— Отвратительно, — покривилась она вновь, — ужасное прозвище, да еще в Артеке.

— Здесь же одни школьники, — нашла Ольга оправдание. — А в школе даже у отличников имеются дразнилки. Например... В прошлом году я привыкла фыркать в разговоре. И сразу один остряк нашелся: «Ты Ольга Фырш!» Понимаешь? Не Ольга Форш, а Ольга Фырш. Я едва нерехнулась, даже на Ольгу дня три не отзывалась. Дразнилки — это вроде критики.

— Вот видишь, испытала на себе, — откликнулась она Ольге и хотела добавить: «То Фырш, а то Псих, — большая разница», — но закончить не успела. Частый топот угрожающе набегал из-за спины, какой-то шальной тип пронесся подгору. Второй бегун, догонявший первого, сильно пнул ее с разбега. Она грохнулась на

камни, разбила коленку и крикнула вдогонку: — Балда! — неизвестно кому, в пустой след.

С места поблизости сорвался кто-то третий и кинулся за убежавшими. Его пытались удержать — Олег, ты куда?! — напрасно. Все трое бегунов исчезли...

— Мальчишки повально психи, стоит еще за них переживать, — озлилась Ольга, но тут же рассмеялась: — А ты заорала «балду» совершенно в моем стиле! Это потому, что убедилась, какие они психи. Я знаю, где медпункт.

Всего часа четыре корпела их братия над первую газетою. — Мы подняли наш «Парус» на недостижимую высоту, — порадовался Марк Антонович, когда они прикрепили стенновку, и терраса «Фиалки» вмиг преобразилась. Передовицу редактор набросал шутя, без общих фраз и с юмореской: девочки, подтяните мальчиков! Речь шла о подготовке к торжеству открытия. Были три заметки на тему: «За что мне вручили делегатскую путевку». Наташа написала о традициях «Прибрежного» и еще дала три задачки для конкурса: «Догадайся первым!» Одна задачка походила на стихи: «Кирпич весит кило и полкирпича, сколько весят полтора кирпича?» Рита изобразила роскошный алый парус, а заголовки составила из флажков расцветивания. Вовка выдал серию «Познай самого себя!» Особенный успех имело фото «Наш пресс-центр на пляже». Сама она протянула между заметок веселый хоровод артековцев. Несколько изумила статейка Ольги: «О нашем достоинстве». Подруга выступила против кличек. Она взяла под защиту Вовулю, что насторожило, и еще одну девочку, прозванную Кнопкой...

— Я могу сболтнуть лишнее, — объяснила подруга перемену взглядов, — но основы у меня здоровые...

Перед открытием слета их первый «Парус» получил и первый приз на смотре стенных газет Артека.

Они сбросили форму, подтащили лежаки поближе к воде и распластались, окунув ноги в море. Нежная теплота, ритмично шипя, накатывала на пятки, затекала под икры, чуть щекоча и вновь обнажая мокрые лодыжки. В Артеке наступил тихий час, и отсек на пляже они заняли пустынный. Работа в пресс-центре имела преимущества: после трудов праведных Марк Антонович отпустил подзагореть. Купаться строжайше запрещалось: только с отрядом, в урочные часы и при наличии Наташи. Да еще тогда, когда зону замыкала спасательная лодка.

— Давай полукупаться, — изобрела свое Ольга, и первой плюхнула лежак в набежавшую волну. — Лишь бы не тихочасить в корпусе, — подруга ввела в оборот новое словосочетание.

Они полукупались, болтали в воде ногами — и болтали обо всем на свете, то и дело соскальзывая на девичьи интимности. — Ты домой писала? — спросила она Ольгу, не раскрывая век и ловя тепло руками...

— Еще только думаю, — тон ответа был небрежен. — А ты уже послала? Паинька! Естественно, ты единственный ребенок. А я многодетная, у меня братик и сестрица, родители застраховались. К тому же они знают, что я самостоятельная, со мной произойти ничего не может, — объявила Ольга и перешла к разбору достоинств и недостатков собственной персоны; главным образом, фигуры. Пошли обоюдные сравнения. Здесь Ольга была к себе придирчива и во многом ошибалась; просилась на рисунок. Из-за такого разговорчика пришлось приоткрыть глаза и осмотреться, нет ли кого поблизости...

Обсуждение перекинулось на мальчишек, прежде всего на Вовку, и Ольга оживилась. На пляже, когда Рита, Ольга и она сама разлеглись возле Марк-Антоныча, лауреат мигом поймал всех четверых на мушку. И снимок попал в серию «Познай самого себя!»

— Послушай, — сказала она Ольге, — а ведь мы тоже даем Вовке прозвище, даже два: то он у нас «лауреат», а то «ботаник». Причем «лауреат» звучит как-то не того... — Вот еще, — послышался Ольгин голос, на этот раз какой-то вялый. — Глупости! Это не дразнилка, а звание, только сокращенное. Он же действительно лауреат, хоть и районный. Снимки у него отличные, станет областным...

После паузы последовало гораздо энергичнее: — Болван, поза у меня получилась на этом дурацком фото самая ужасная, даже толстуха Ритка вышла женственной. Зря я не возразила против

подобной информации. Принесла себя в жертву ради общих интересов. Хорошо еще, что Лёськи вместе с нами не было.

Подруга опять отвлеклась, начала завидовать Лёське, находила ее идеально сложенной. Киевлянка Леся обитала в их десятой комнате, занималась гимнастикой, притом художественной. — А почему она у нас, а не в «Озерной», вместе со спортсменами?...

— А потому, что, видите ли, она еще и декламатор, — пояснила Ольга. — Она со всех сторон художественная.....

Лёсик дружила с Николь и Робертом, — тут снова пришлось открыть глаза и хорошенько осмотреться. Парочка, австралиец и швейцарка, стала притчей во языцех. На второй день после приезда Роберт и Николь начали себя вести весьма непринужденно. Чтобы не сказать больше. Они пошли по Артеку, словно по Женеве или Сиднею. Наташе пришлось объяснять им разницу.

— А до зарядки они поцеловались, мы с Лёской засекли. Один раз, но без отрыва, вот куда бы Вовку. Ну и что, бурное влечение. Они в своих капстранах к этому привыкли, — Ольга помолчала. — Хотя, с другой стороны, если начать так вольничать, от Артека останутся только елочки да палочки. Здесь же не курорт.

Срок безделья кончился, и они стали подниматься. Ольгу облеплял купальник, совершенно мокрый.

— Быть у моря и не окунуться? Благодарю покорно! Я четыре раза с лежака до самой головы сползала.

По дороге в «Калину» Ольга изрекла: — Тебе мои разбирательства не слишком интересны, потому что ты по-настоящему еще и не влюблялась.

— Все-таки напиши домой, — проворчала она Ольге. — Твои родители наверняка ждут дочкиных посланий...

Три шага в одну сторону, три в обратную. Потом надобно мальчика обойти спиной к спине. Затем обернуться, стукнуться ладонями и расстаться, уйти навстречу партнеру из соседней пары. Начать все вновь: три шага в одну, три в другую сторону. Московская кадрили.

— А ты знаешь, под какую мелодию мы кадрили? — спросила ее Ольга во время передышки. — «Отчего ты, Рая, бледная такая?» Доисторическая музыка, эту Раю пели еще до революции. Три ха-ха! А Вовка ничего танцует...

После сердечных откровенностей на пляже они пошли вечером на Костровую, разучивать артековские танцы. Хоп-пель-попель, летку-енку, русский. Нитки разноцветных огоньков звездились над головами. Огромная площадка с крутым

амфитеатром перед экраном вместила всю дружину. Голос из динамиков объяснял движения, вожатые выступали первыми.

Московская кадрили помогла ей сдружиться с нижним этажом. До этого на мальчишек отряда она смотрела довольно безучастно. Вовка и Роберт были изучены, а все другие — на одно лицо. Выделялись еще два аджарца: прилично бренчали на гитарах. На Костровой она разошлась, сама стала тормозить мальчишек. Даже чужих, из ансамбля «Шы-ги», так она и Ольга сократили «Школьные годы». Сократила, разумеется, Ольга и прибавила: — Для внутреннего потребления.

С гостями танцевалось особенно задорно. Заметен был Сережа, стриженный под полечку, лицо красавчика, как на рекламе парикмахерской. Немыслимо учтивый: приглашая на русский, кланялся и шаркал. Воспитанный мальчишка. А на «Вальсе дружбы» ее неуклюже закружил Роберт: — Надья, ты говоришь по-английски лучше других...

— Ну да, — хмыкнула она недоверчиво, и вся расцвела. Роберт «нуду» понял по интонации:...

— Это правда, На-дья. Прошу, когда кино, объясняй фильм. Это будет дружбою на деле, а не только на плакате, — заключил он весьма дипломатично...

В Артеке имелись переводчики, но попевали они далеко не за всеми и не за всем. Так она стала у Роберта внештатной переводчицей. Общеизвестный факт, школа может ею гордиться. И еще один сюрприз в тот разноцветный вечер. После танцев дружину рассадили на трибунах и провели короткое собрание, объявили, что в «Прибрежном» организуется клуб друзей искусства. К амфитеатру подошла Наташа, сверху она казалась и впрямь куколкой: — Ребята, вы знаете, что в первом отряде работает Надя Рушева, — тут вожатая не поскупилась на несколько оценок. Сама она, к счастью, сидела на верхотуре, но все равно при оценках пригнулась, как могла пониже, опустила голову...

— Давайте ее выберем президентом клуба! — разнеслось по рядам, и все поголовно согласились, она даже не опомнилась:....

Марк Антонович привел в пресс-центр новичка, такого же смуглого, как и аджарцы.

— Дети мои, — произнес он, — примите пришельца. Это доброволец. Ваш отрядный тенор клянется, что умеет чинить карандаши, — будет вам помощником. Петь в пресс-центре громче, чем вполголоса, ему запрещено.

Она узнала одного из «певцов в стане пионеров». Помимо аджарцев, прилично исполнял под гитару кое-что грузинское Гога из Телави. А доброволец, которого затащил Марк, жил как раз

под их десятой комнатой и мог часами орать про несусветное. То какую-то ерунду: «Лиловый нос вам подает мантию!», то неаполитанское. И никаким не тенором, а чем попало. Она подумывала, как бы получше изобразить его в «Парусе» паяцем. — Молодец, Алик, — Рита первой приветила паяца по имени. Ольга, как оказалось, тоже знала Алика, мигом усадила его возле себя, заставила писать заметку о танцевальном вечере. Алик долго отнекивался, твердил, что танцы не его амплуа; пришлось соорудить гримасу: «Тоже мне, — „амплуа“!» Рисовка добровольца не спасла, Ольга на своем настояла — Активу нужна активная работа!..

— Ты соображаешь, почему у нас появился сей певец из стана пионеров? — спросила у нее Ольга вечером на прогулке, в тиши уединения...

— ?...

— Не смотри на меня кислыми глазами. Можно было бы догадаться и самой. Могу поздравить, это твой поклонник...

— Ну вот, сейчас ты оживилась. При чем тут глупости, я никогда не говорю глупостей. Какие у меня соображения? Мне заметку он так и не доделал, это раз. Пошел к вам чинить карандаши, это два. Чинил их Ритке, а вертелся все время около тебя, это три. Ферштейн?....

Маргарита преобразается. 1968.

Это только так представляется, что Ольга все время болтала про мальчишек, на деле было иначе. Она вкалывала в «Калине» на совесть, задания набегали одно за другим. День Героя, вечера дружбы, встречи делегаций, костры, конкурсы — все требовало от них сноровки, выдумки, труда. Плакаты, объявления, газеты, «молнии»... Пресс-центр оказался осью всех артековских событий. Здесь шутить попусту приходилось редко. Ольга корпела над текстами, «пахала» наравне со всеми, ни слова о том, что сердцу не хочется покоя.

И все же...

И все-таки было сказано: «...это потому, что ты еще ни разу серьезно не влюблялась». И все-таки, осуждая мальчишек, Ольга почему-то рьяно взяла Вовку под защиту. Почему-то приглашала на белый вальс только Роберта. И самое непонятное: почему-то все чаще сникала среди вечерней лихости. Можно было, конечно, спросить невзначай и шепотом:

— Оленька, что с тобой? Ты что скрываешь? — и Ольга бы раскрылась. А вдруг наоборот, замкнулась бы? Тогда по дружбе

пролегла бы темная полоса. Ох, что было бы да кабы, если бы Бы не было бы Бы! Оставалось ждать. Зато она была уверена в одном: подруга по части Алика ошиблась. Неужто ревновала?..

Новичок вертелся вокруг всех совершенно одинаково. Он замирал только возле Марк-Антонича: ждал его рассказов о мониторах, монтажерах и тому подобном. Марк Антонович был единственной причиной появления Алика в пресс-центре: певец услышал про киноведа и побежал в «Калину». Оказалось, что кино для Алика действительно «амплуа»: помощник перестал чинить карандаши, начал давать рецензии на фильмы. Потом появились и стихи:

Это очень нужно, это очень трудно,
Это очень важно — быть человеком,
Даже не известным, даже не героем,
Даже не великим — просто человеком.

Алькину пробу пера поместили в «Парусе», и Ольга, как поэтесса (еще неизвестная) была заметно задета: ее опередили. Впрочем, оба стихотворца вскоре мирно поделили сферы влияния. Алик оставил себе лирику, Ольга предпочла сатиру. В содружестве пиитов и родилась их знаменитая «Песенка о соли»...

Кто-то из отряда привез куплет:

А что, друзья, вы знаете о соли?
А то, что соль едят по доброй воле!
Она в большом количестве вредна,
Зато в жару совсем не солона!..

Юмористы, услышав куплет, стали повторять, как попугайчики, к месту и не к месту: «А что, друзья, вы знаете о соли?» Возникла острая необходимость творчески организовать общественное увлечение. Ольга с помощью Алика сочинила припев:

И если нам с утра дают селедку...
Согласны мы и в пекло на проходку,
А потому не хнычь и знать изволь,
Как хороша поваренная соль!

Само собой, «Песенку о соли» стали распевать по дороге на завтраки, обеды. Одного куплета оказалось мало. На все лады

продолжали творить и дальше, какие только рифмы не предлагались: и «фасоли», и «мозоли», даже «Николи». Самую удачную, «Ассоль», нашла та самая Анюта, которую прозвали Кнопкою. Появился и второй куплет:

А что еще вы знаете о соли?
Да то, что это рифма для Асоли!
Но нам нужна сегодня только соль,
А завтра мы споем и про Ассоль!
И если нам с утра дают селедку, —

и так далее запевали Гога с Аликом, а припев подхватывали хором. «Соль» исполняли залихватски, строчки рубили под ногу, и шаг печатали, как под марш. Шуточная отрядная — ее хватало на всю дорогу до столовой, как по мерке.

Ольга предложила дать слова шуточной в «Парусе», и Марк Антонович по доброте душевной согласился.

Изуверские бомбежки несчастного Вьетнама не кончались, отзвуки их доносились оглушительно. Небо Артека меркло, и вся она цепенела, едва Наташа начинала пересказы газетных сообщений. На Востоке, под небом ее рождения, где еще не стерлись кошмарные тени Хиросимы, где на земли зарождения человеческой культуры оседал атомный пепел, вместе со взрослыми продолжали гибнуть дети. Одно детское тельце, второе, третье... Одно разорвали шарики, новое оружие, второе проплавлено напалмом, третье в гибельных язвах от разбрызнутого яда.

Клод Изерли узнал, что в одно мгновение по его сигналу испекли триста тысяч; он сошел с ума, как можно было не сойти. Но почему не свихнулся Трумэн, благословляясь на бомбежку, и каким крестом его благословляли?

Ни прежде, ни позже не рисовала она по заданию с такой трепетной готовностью: Наташа пришла в их центр и объявила, что сверхсрочно нужно дать оформление к Маршу мира. И все, даже Марк, взяли в руки линейки и кисти с красками.

На ее долю досталось все наиболее ответственное: самые большие транспаранты, самые сложные плакаты. Свиток метра на полтора: «Пусть всегда будет солнце!» Желтый и розовый фломастеры: юная мать, опустившись на колени, поднимает малыша, и тот ручонками касается солнца. Светило — цветок ромашки, вокруг ее сердцевинки пять лепестков-полуколец с олимпийской расцветкой, московская эмблема фестиваля.

«Не забудем — не допустим!» Первые два слова в языках пламени, последние — в лучах прожекторов. Крупным планом безумные глаза, втянутые щеки, все лиловое; кричащий рот — и проволока, черные колючки, проткнувшие грудь и руки погибающей. Тени от русского текста она положила на бумагу косо, и буквы здесь вычернила по-английски.

И еще три плаката, тематическая связка, задуманы для оформления отдельной колонны. На первом плакате артековцы ждут встречи с открытыми объятьями; на втором — белозубый негр-итенок бежит к артековцам с вытянутыми Далекo вперед ладонями для рукопожатия; на замыкающем — еще четверо курчавых ребятишек, мал мала меньше, братишки и сестренки Руди.

Лучшие ее плакаты...

Вечером побродили втроем, она, Ольга и Алик. Когда Алик увязался за ними, Ольга обратилась к нему со слезой во взоре:

— Ты помнишь, какая есть поговорка для подобных случаев?

— Для каких? — клюнул на приманку Алик.

— А вот для этих самых... — откликнулась Ольга, и ладонями, сложенными по-индийски, показала на нее, потом на Алика, затем приложила их к себе.

— Не постиг, — почуяв недоброе, насторожился Алик, и Ольга завершила комбинацию, пояснила задушевно:

— Третий лишний...

— Тогда ты и уходи, — оскорбился Алик, не нашелся, как ответить на подвох поостроумнее. Никуда он от них не откололся, поплелся дальше.

— Столько плакатов, и все-таки успели! А знаешь, можно было бы сделать еще и такой, — рассуждал Алик, ни к кому не обращаясь. Он бурно жестикулировал: — Небо, зарево, лежит старик-вьетнамец, на нем кровь, тоже зарево, возле валяется шляпа из соломки, как у тебя (после шляпы стало ясно, к кому Алик обращается). — Можно изобразить бомбардировщики так, как до тебя никто не изображал. По зареву летят над убитым чудища, вампиры, морды — одна другой страшнее. Хотя, — вздохнул Алик, — пакость у тебя, наверное, не получится.

Они толковали о том, что война взрывалась и в Артеке. Не было бы ее, приехали бы на слет Гайдар, сыновья Фрунзе, Ибаррури.

— «Четвертая высота», «Улица младшего сына»... Издают «Жизнь замечательных людей», а эти книги — «Жизнь замечательных детей»! — пофилософствовал Алик, обернулся к ней, запнулся и примолк.

Ольга вначале старалась не серьезничать, но постепенно втянулась в общую беседу. Был прожит какой-то переломный вечер...

Она забегала на почту чаще других, отправилась туда и в тот памятный час. Отнесла письма и всем, кто просил, накупила газет, открыток и конвертов. Почта находилась в поселке; возле круглой столовой по узкой тропке следовало выбраться на верхнее шоссе, за поворотом спуститься по улочке — далековато. Когда вернулась, в «Калине» любезничали Рита и Вовка. Впрочем, под контролем Кнопочки. Взяв свой конверт, Вовка тут же удалился и на «спасибо!» не расщедрился.

— А я знаю, как ты сюда попала, — вымолвила Ритка.

— Что значит — как? Куда попала?

— В Артек. Как тебя путевкой наградили.

— То есть?..

— У тебя выставка была зимой? На какой-то там Таганке?

— Да, была. В феврале. В театре на Таганке.

— Вот! А Васильев ездил тогда в командировку и попал на твою выставку. А когда был в ЦК комсомола, зашел к Яшуниной, в Совет пионеров, и спросил, ты делегатка или нет. Он сказал, что на слете должны быть самые способные. И ты получила цековскую путевку из резерва для самых одаренных. Понятно? Так что, когда родится сын, назови его Евгением.

— Откуда ты все это вычитала?

— Ничего я не вычитывала. Просто сюда зашел Васильев и разговорился о тебе с Марк-Антоньчем, я одна была тут.

Другая на месте Ритки могла бы сделать упор на то, что все — по случаю. Так совпало, мол, что забрел на выставку Евгений Александрович, к тому же осталась на счастье наградная путевка, и так далее. Получилось бы, что в Артеке Рушева случайная особа. Но в пресс-центре у них не водилось ни зависти, ни подсидок. И Ритка сделала ударение на способностях Эн Рушевой. Хотя и сама была художницей.

...Невероятный скандал местного значения разразился накануне торжества открытия. Сколько пришлось пережить потом за Ольгу, — та стала всему виновницей.

Произошло это так.

Их собралось несколько человек, сидели на террасе. Продолжался шумный разговор о Гагарине: прилетел, его уже видели в «Янтарной»! Тут-то и появилась правильная тетенька, так аттестовала позднее Ольга незнакомку. Тетенька шла с Марком, и оба улыбались друг другу очень симпатично. Миниатюрная незнакомка в очках «Стрекоза» издали показалась молодой, Аня-Кнопочка даже пискнула: — Не жена ли Марк-Антоньча? Но пара приблизилась, и стало ясно, что женщине можно дать и далеко за сорок. Она выглядела моложавой потому, что сберегла фигуру, а короткую стрижку дополняли пробор и челочка. Костюм был наимоднейший, брючный.

Лёсик подала знак, и разговор утих. Взрослые вошли на террасу, пионеры встали и поздоровались. Незнакомая тетенька ответила улыбкою и наклоном головы. Ничто не предвещало «чепе», «Алый парус» мирно расцвечивал террасу. Марк Антонович и гостя направились к газете.

— Второй номер, — с явной гордостью пояснил Марк Антонович.

— Оформление прекрасное, — похвалила тетенька, обводя «Стрекозой» газету. — Решение жюри было, очевидно, правильным, первый номер, надо полагать, оформили не хуже. А как с содержанием?

Незнакомка сняла очки, прочла колонку, другую, четвертую, одобрительно поддакивая чтению киванием. В конце номера

пионер, похожий на Алика, растягивал рот наподобие буквы «о», он распевал «Песенку о соли». Тетенька с интересом прочла первый куплет и дошла до припева. Тут ее лицо стало меркнуть, пошло морщинками, улыбка сузилась, вместо губ остался тонкий прочерк.

— Что такое? — раздвинулся наконец плотно сжатый прочерк. — Чьи стихи?

— Это шуточная песня, — доложил Марк Антонович, моментально посерьезнев: уловил перемену настроения приезжей.

— Я вижу, что песня, — прозвучало еще прохладнее, — припев я прочитала. Но кто же автор?

— Они, — признался Марк Антонович, широким жестом обводя всех, кто находился на террасе. — Отсюда и название — отрядная.

Если бы Марк Антонович сказал, что слова Льва Ошанина, может, все и улеглось бы. Но он как-то не нашелся, и новые вопросы подули холодом:

— А была ли необходимость помещать эту песенку в газете? Разве мало вам песен об Артеке?

— В конце номеров мы решили давать юмор, — ответил Марк Антонович подчеркнуто спокойно. — Ребята попросили поместить песенку, чтоб все могли выучить ее слова.

— Как, вы ее еще и поете? — на этот раз в голосе вопрошающей начало закипать нечто, готовое взорваться.

— Иногда отряд поет ее, когда идет в столовую...

— Когда идет в столовую!? — ужаснулась тетенька. — Извините, но это недомыслие! — все взорвалось в ее голосе.

Пошло-поехало: соль недомыслия — в селедке! Каждый, кто такое услышит, решит, что ребят в Артеке питают исключительно селедкой. Что это становится проблемой! С другой стороны, что же, если не дадут с утра селедку, то дети не смогут отправиться в походы, так, что ли? Какой же это юмор? Марк Антонович смотрел на тетеньку с великим изумлением и несколько опасливо: что еще последует?

— Нелли Васильевна, — оглянувшись на террасу, предложил он, — может быть, мы пройдем к Васильеву?

— Да, да, — спохватилась правильная тетенька, — я должна поговорить с вашим руководством. В лучшей газете — песня про селедку!

Ольга вдруг осела.

Нелли Васильевна и Марк Антонович удалились, и с террасы понеслась разноголосица, началось обсуждение «че-пе». Она отвела Ольгу к «Незабудке». Подруга больно сжала ей руку и

словно помертвела. Ольге стало дурно? Она шла, то и дело оглядывая подругу: не лучше ли? Нет, Ольга к ее оглядкам относилась безучастно; с трудом разговаривалась:

— Одного не понимаю: эта ревизорша действительно начальство или шишка на ровном месте? Если проверяльщица, то такая, какой подай недостатки. Вынь да положь медведя... если туфты нет, надо ее придумать. Ну, что, скажи, какое недомыслие допустили мы в селедке?

На Ольгу повлияло происшествие! Она успокоила ее: тетенька никакое не начальство, явилась в одиночку. Скорее, действительно гостя, пригласили на открытие. Возможно, журналистка, вот и захотела показать себя в родной стихии. Мысли для успокоения находились веские. Между тем смятение Ольги прорывалось все отчаяннее:

— Ты пойми, это я виновата во всем, только я, и никто больше! Ведь это же я упросила, чтобы проклятую «Соль» напечатали в газете! Как нарочно! И строчка про селедку — это моя строчка!

Что было, то было, настояла Ольга. Смягчающих обстоятельств тут не находилось. И строчку про селедку сочинила тоже она, спорить было бесполезно. Оставалось твердить одно:

— Если бы не ты, предложили бы другие, Алик, Анечка или Лёсик, она же декламатор. Все об этом говорили.

— Ах, молчи, молчи, — стонала Ольга, притискивая ладонь к губам, словно бы у нее разболелась челюсть. — Тебе хорошо, про тебя сказали: «Оформление отличное!» А я? Боже мой, ну почему я не художница, зачем нужна была мне эта песня? Дура, дура! И при чем тут «предложили бы другие»? Я упросила, понимаешь, упросила я одна!

Время близилось к ужину, дорога вела к Дворцу пионеров, потянулись отдаленные аллеи, никто им не встречался. Они тащились и в полный голос без конца повторяли сказанное на все лады, разговор топтался на одном и том же месте.

— Я настояла, — сказала вдруг Ольга своим обыкновенным голосом. Она посмотрела спокойно и решительно. — Я настояла, и он согласился, я его подвела на всю катушку, и в этом все дело.

— Ты про что? — спросила она Ольгу, а хотела спросить: «Ты про кого?» Сердце у нее самой замерло, краешком сердца она вмиг прикоснулась к той тайне, какую хранила Ольга.

— Ты глупишь на самом деле или только придиуриваешься? — вспыхнула Ольга в новом приступе отчаяния. — Ты на самом деле ничего не замечала? Да ведь я же влюблена в него, понимаешь, я влюбилась в него по уши с первого взгляда, с первой же линейки, тебя еще тут не было в помине.

И вот... Я подвела его, подсекла под корень, ты же слышала, эта змея увела его к начальству. Если Марика снимут с работы, если он меня обвинит, я исчезну из Артека.

— Олечка, — пролепетала она, не представляя, что нужно говорить, и думать, и придумать, — Олечка, ты же мне сама сказала, что он женат, что у него здесь дочка... Ты же про него все знала...

— Боже мой, — поразились Ольга, всплеснув руками, — да пойми же ты, пойми: я сперва влюбилась, а потом уже узнала! Для меня он остается Мариком! Шоколадкою!..

Маленькая почта в поселке наверняка не принимала давно такие вороха писем, какие отослал Артек сразу после торжества открытия. Мешков двадцать! Домой писали даже те, кто еще ни разу после приезда не брал пера в руки. Впечатления сами просились на бумагу.

В тот день их звено дежурило по корпусу, и они вскочили с постелей до горна. Ольга еще не оправилась после вчерашнего признания, веник и тряпка были ей особенно полезны.

Никто не замечал выразительных оттенков под глазами.

У подруги, отставили прочь и вчерашнее «че-пе» с «Парусом». Всюду слышалось одно: Гагарин! Юрий Алексеевич! (У Ритки даже: «Юрочка»). Гагарин хочет пополнить во Дворце пионеров космическую выставку! Гагарин предложил превратить ее в постоянный музей! Он обещал свою помощь, и теперь Артек получит аппараты для подготовки юных космонавтов! В полном смысле пионерские, — те самые, на каких тренировался сам Юрий Алексеевич!

Мелькала и девичья болтовня. Лёська утверждала, что, спускаясь на парашюте, Гагарин распевал на всю вселенную «Ландыши».

— Это факт, — не сомневалась Лёська: — Так весело: «Ландыши, ландыши!!!»

— Не знаю, — усомнилась Кнопочка. — У нас про «Ландыши» тогда ничего не слышали...

Малышка Аня стала в то утро заметною фигурой, — она жила где-то под Саратовом, была к мировому событию «приближенной». Кнопочка продолжила авторитетно:

— Я знаю только, что Гагарин вышел без улыбки, когда его сняли сразу после приземления. У него в глазах было еще только то, чего до него никто из людей не видел. Вряд ли вообще пел он при посадке...

Гагарин без улыбки??

Стало известно, что на открытие приехали секретари ЦК Сергей Павлов и Тамара Куценко, еще министр просвещения. Она услышала знакомую фамилию Яшуниной. Ждали приезда Кабалевского, почетного артековца. Но композитор, к общему огорчению, заболел и прислал только телеграмму, доброе приветствие.

Жара спала, к семи часам гости расселись на трибунах, и десять пионерских дружин замерли в рядах на поле стадиона. В пестроте далеких трибун жадно искали глазами восьмой сектор.

Там должен быть Гагарин.

Вокруг шептались: «Не видишь?», «А ты видишь?» или «Где? Куда ты смотришь?» Но первый отряд стоял, к общей досаде, не в первой шеренге, к тому ж еще на фланге. Самые зоркие не могли похвастать, что различают космонавта.

Четыре тысячи ребят, а вперед вышел один Валера, — фамилию начисто забыла. Вышел к микрофону, лицом к гостям, к штабу слета. Могла бы она сама так же, как и Валера, выйти из рядов и звонко, без запинки отчеканить рапорт, ощущая за своей спиной не одних артековцев, — сотни тысяч сверстников? Миллионы! И среди них Лару Михеенко, Голикова Леню, Нину Сагайдак и всех, кто остался жить в портретах на артековских аллеях. Наверное, смогла бы, умеет же собраться, настроиться «железно».

Конечно, тогда и не думалось, что возникнет у нее не только общая, но еще и своя, личная связь со стягом Ленинской дружины. Знамя всей пионерии колыхалось над стадионом, — вишневое полотнище, золотые кисти и шнуры, лицо Ленина вполуборот. Колонна знаменосцев, по трое в ряд, начала свой марш; форма парадная, ленты через плечо, белые гетры и перчатки. С места сдвигались флаги и вымпелы, горны и барабаны, лозунги и транспаранты, шары и гирлянды, и снова всякие панно и стяги. Их первый отряд поднял солнце в пионерской косынке, эмблему слета. Над «Полевой — Лесной» поплыли ее плакаты, и на трех из них артековцы встречали Руди, его братишек и сестренку. Веселые детишки Эн Рушевой были отданы празднеству и уже не имели к ней никакого отношения. При виде ожившего леса полотен и эмблем она ощущала лишь такую же сопричастность к торжеству, как и остальные.

Знамя слета всплывало к острию флагштока, вздувалось волнами. Небо расчертили голуби, связки шаров и огни салюта. Когда первый отряд проходил у трибун, Гагарин смотрел в небо. Ей невероятно повезло, чуть покосилась — и увидела Гагарина! Единственная на трибуне тенниска! Белоснежная ткань обрамила треугольником загорелые грудь и шею. Он сидел среди ребят, положив руку на плечо ближайшего счастливца, и смотрел вместе с ним ввысь, на ракеты и белых птиц. Секунда узнавания. Могла бы и она сидеть с ним рядом, на этой же трибуне...

Наутро, в письме домой, несколько моментов, связанных с днем открытия, она опустила, замолчала. Момент первый: перед парадом старшая пионервожатая Света Полозкова объявила ей, что в совете дружины Рушеву решили поощрить приглашением на центральную трибуну. И она сразу просияла. Тщеславие выиграло! Но через несколько минут передумала, ради Ольги.

Невозможно было оставить подругу в одиночестве с ее душевной мукой. Пришлось виновато сообщить Светлане, что пойдет с отрядом, в общей колонне. Так ей хочется... Светлана пожала плечами, посмотрела удивленно. Для родителей такие подробности были бы непонятны.

Еще раньше ее разыскал спецкор «Пионерской правды» (остальные данные, как-то: имя и фамилию, пришелец оставил в тайне). Симпатичный блондинчик в костюме и при галстукe, а лоб и шея сухие! В такую-то жару...

Корреспондент попросил ее дать четыре зарисовки для спецвыпуска газеты. На артековские темы. Срок жесткий — трое суток, считая день открытия. Писать в Царицыно о предложении «Пионерки» раньше срока не хотелось.

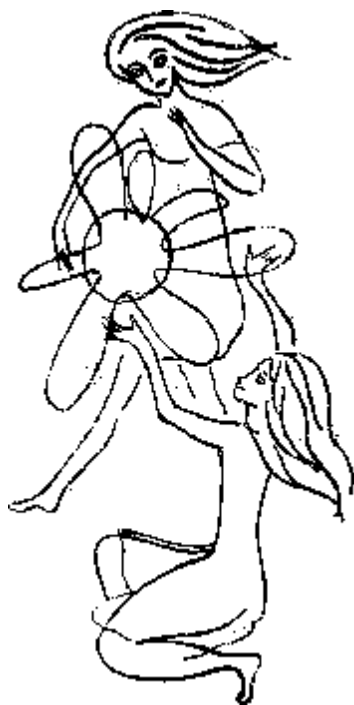
Последний момент был связан с утерей Алика. После парада, приветствий и всевозможных выступлений, где она увидела и Галю с ее овчаркою, начался футбол. К восторгу девчонок выяснилось, что ворота «Прибрежного» поручили Алику; способные спортсмены имелись, как видно, не только в «Озерной».

Вратарь немного театральничал, играл на зрительниц, но отбивал мячи не хуже Яшина (общее мнение!). Играли с «Горным», и ей близоруко мерещилось, что среди противников носится как угорелый рослый нападающий, очень схожий с Айсиным. Встреча шла вничью, и все ждали, что кончится на равных, когда «горнякам» дико повезло. Защитники Алика столкнулись, и угорелый — это точно был Рафик! — вышел к воротам «прибрежников» один на один. Алик плюхнулся плашмя у штанги еще лучше Яшина. Первый отряд захлопал преждевременно: вратарь вместо мяча тискал собственную голову. А времени для восстановления справедливости уже не оставалось.

Она через минуту начисто забыла об этом дурацком голе, переключилась на секреты с Ольгой. А вот Алик... После футбола он исчез и на ужин не явился. На поиски вратаря отрядили человек десять, облазили «Фиалку», пресс-центр, Костровую — все впустую. Вовка острил, что Алик сидит на Адаларах — скалах-близнецах в море. Ольга ушла в корпус, У нее разломило голову. А Лёська, Вовка, аджарцы и сама она едва не остались голодными, в столовую заявились, когда та была почти пуста. Одинокие дежурные отмывали столы и гремели собранной посудой.

Мальчишки с ужином расправились быстро и ушли на спевку. Она и Лёська усердно выбирали груши из компота и не сразу заметили, как появились Марк Антонович и Алик. Вратарь

двигался наподобие лунатика, Марк Антонович вел его за руку. Он усадил Алика за их стол, приказал:

— Растрясите его! — и пошел на раздачу добывать запасное пропитание.

Она спросила найденного предельно осторожно:

— Переживаешь?

Алик продолжал смотреть под стол, весь нахохлился. Марк Антонович торопился домой, где обрел он вратаря, осталось неизвестным. Потом исчезла Лёська, и они с Аликом столовую покинули вдвоем.

Подсвеченная зелень окрашивала глубину аллея лунными оттенками. Отовсюду звучала музыка. Было ясно, что они оба возвращаются в «Фиалку», — куда же еще? Но повороты поднимали их по склону и вывели к медпункту. К «рыбьему конструктивизму», как выразился Алик. Из всех артековских изваяний скульптура около медпункта была и впрямь самой необычной. Серебряные рыбины, одна другой диковинней, поддерживая друг друга плавниками и хвостами, словно взлетали стайкой из воды. Она и Алик изучили оригинальную конструкцию и сбежали по пандусу к гостиничным корпусам: шел слух, что в них живет Гагарин. Приезжих встречалось много, но того, кого хотелось, увидеть не пришлось.

Разговор сбивался все чаще на игру. Алик еще не отошел от

удара, в полном смысле слова.

— Марк Антонович считает, что я не виноват, — на все лады пояснял Алик, — а он в футболе разбирается. Так и сказал: «Наша защита элементарно подвела тебя. Ты взял бы пенальти, но это было в сто раз хуже штрафного, он бил в упор...» — все в таком духе.

Алика можно было понять. Но папу и маму футбол никогда не увлекал, в пенальти они вообще не разбирались, так что и по третьему моменту домой сообщать ничего не приходилось...

Решался вопрос об ее выставке в Артеке, пришлось отлучиться в штаб слета по вызову. Когда же вернулась в «Калину», мигом догадалась, что у Ольги в душе очередная мука; так оно и оказалось. Улучив минутку, подруга подседала к ее плакатам, зашептала на ухо:

— Жаль, что тебя не было, ты много потеряла. Марик-Шоколадка поведал нам про «Межрабпом-Русь», была такая фирма в истории кино. И еще про ФЭКСов. Бесподобно, блеск! Но про ФЭКСов я расскажу тебе потом (потом про ФЭКСов так и не было рассказано). А сейчас вот о чем... Он говорил про черты эпохи НЭПа, какие тогда шедевры появлялись. Один я записала, вот, насладись... МУУР — это управление угрозыска, — Ольга подсунула «запись из газет»:

«Происшествие. Пятым районом МУУРа у воров отобраны: портсигар с монограммами „П. Р.“ и надписью: „На память от тещи“, дамское белье, атласное платье, 42 ленты и искусственная челюсть. Владелицу просят зайти и получить свое имущество».

— Каково?! Ты бы зашла? И такое — после ФЭКСов! Это же рассказано для Ритки, совершенно в ее вкусе, она закатилась, как безумная. Представляешь? Смотрела на него влюбленными глазами... Ну, ты же знаешь, какие у нее глазищи!

— Ольга, ну чего ты мучаешься? Скоро ведь разведемся.

— Вот-вот, разлука вылечит, на это вся надежда. Хотя я не уверена. Ах, не говори мне о разлуке! Вот когда сама влюбишься... — и так далее.

Ольгу приходилось разубеждать и соглашаться с нею. Сомнения и страдания подруги жаждали и, странное дело, не терпели разумных возражений. Но они также не терпели и повременно жаждали хотя бы малейшего сочувствия.

... «Че-пе» с «Парусом» недолго оставалось отрядной злобой дня. «Соль» с веранды никто снимать и не подумал, второй номер благополучно довисел до естественной замены. Петь шуточную вскоре и сами перестали: надоела. Однажды по дороге в столовую

Вовка затынул «Елочку», — пискляво, на манер детского сада, и остальные тут же подхватили: — Зимой и летом стройная, зеленая была!

Вышло так, что вслед за Вовкой все научились петь «Елочку» с каменными лицами и насупив брови. И снова всех едва хватало до дверей столовой: эффект получался колоссальный! Встречные, глядя на похоронную процессию певцов «Елочки», хлопали глазами, — и было отчего! Даже Роберт вызубрил «Ёлочку» и басил, как манекен. В конце пути, вспоминая остолбенелых встречающих, все «статуи» рыдали со смеху.

Поешь ли, помнишь ли ты и теперь свою «Елочку», Роберт Колли?

А когда же Алик начал рассказывать о себе подробнее? Это случилось тогда, когда она засела за рисунки для «Пионерской правды». Пристроилась на плитах лестницы, ведущей все в ту же круглую столовую. Уселась около скульптуры девочки, которую облетает ласточка. Алик подошел, удивился, почему рисует не в «Калине».

— Хочу загореть хоть немного, а то все «Калина» да; «Калина». И еще хочу рисовать при посторонних, для внутренней заправки.

Закалялась-маялась. Проходящие личности скучивались возле, засматривались на ее листочки. Кое-кто хихикал. Из-за толчеи Алику приходилось искать место совсем рядом. Он рассказывал о себе, когда расходились любопытные.

Кореньев и кот. 1968.

...Кобыстан и Баку, легионеры и Барабанный Камень, Сальяны, Кура и доктор Мирзаги. До Алика она достаточно читала о Востоке, дважды побывала в Туве, слушала и щемящие, и забавные материнские рассказы. Восток Дальний, Средний и Ближний, Азия древняя, — Малая и опять же Средняя, где тоже долго жили ее родители... Она думала, что ведает об этом царстве древних цивилизаций, сказочной природы и суровой истории все самое заветное. И вдруг оказалось, что имеется еще Передняя Азия, о ней просветил Алик. С первых дней для нее не стала загадкой Алькина фамилия: не просто Алиев, а Сафаралиев! Теперь узнавались дальнейшие подробности: отец — азербайджанец, а мать русская. Алик в отца, и этим гордится: доктора Мирзаги в Сальянах знает каждый горожанин.

— Ты понимаешь, он из тех докторов, каких учили лечить без анализов и без рентгена. Он узнает где и что болит вот так: Алик дотянулся до белокаменной девчушки, два пальца приложил к статуе и стал стучать по ним костяшками пальцев другой руки. Тук-так, ту-ук-тэк, раздавался изменчивый перестук. — А еще он умеет выслушивать и так, — Алик надавил себе ямку около

ключицы, — нажмет сюда или сюда, — он ткнул себя безжалостно меж ребер, — и сразу поймет, какие у тебя легкие. С больным поговорит, и тот от него выходит, руки поднимает к небу: «Слава Аллаху, доктор Мирзаги меня вылечил без всякого лекарства!» А я в городе вовсе не Алик и не Олег. Кто ни увидит, поясняет: «Это сын доктора Мирзаги!»

Она никогда не слыхала о Сальянах, а это, как оказалось, один из великолепнейших городов Передней Азии. Передней!

— У нас Кура огибает Сальяны серебряной подковой. А небо цветет, как айва. Плохо только, что никогда не падает много снега. Редко когда на два дня хватает.

Снега на два дня! В Царицыне он лежит по полтора дня!

— А Кобыстан — это на полпути между Баку и нами. Мы туда всей школой ездим. Там наскальные рисунки сохраняются, ты б их только видела! Не оторвалась бы. Знаешь, сколько им лет? Одиннадцать тысяч! И там же лежит камень с латинской надписью. Угадай, кто ее высек? Никогда не угадаешь, — римские legionеры!

— Римские legionеры? Вот это да... Как они там очутились?

— А в школе у меня любимый человек (здесь она перестала рисовать и рассмотрела Алика попристальней; в эту минуту рассказчик бесстрастно уставился на круглую столовую)... Талла Аркадьевна. Она у нас физичка и классрук. За что я ее люблю? Это словами никак не объяснишь. Например, она вызывает: «Зейналов, к доске!» — «Талла Аркадьевна, урока я не выучил». — «Почему?» — «Свет у нас погас, Талла Аркадьевна». — «Чепуха, за электричество двойка, принеси дневник. Сафаралиев, к доске!» — «Тала Аркадьевна...» — «Понятно, не выучил урока. Почему?» — «Достал одну книгу...» — «Какую?» — «Прощай, оружие». — «Правда? Ну, молодец! Садись, после урока мне о ней расскажешь. Поскольку физиком ты все равно не станешь, Хемингуэй и оружие тебе больше пригодятся». После такого вразумления всю физику сам повторишь, и еще три урока вперед выучишь.

Очень толково Алик рассказал о Насими и об Ахундове, потом произнес наспех нечто непонятное:

— Сян-мяним-хошума-гямисян!^[1]

— Что, что ты сказал, повтори, что это значит? — быстро спросила она, поднимая голову: загар у Алика отливал красной гуще, чем обычно.

— Это строчка из газелей Джами, — объяснил Алик, но совсем неубедительно, потому что сперва о чем-то долго думал.

— Повтори ее, она очень музыкальная. Переведи ее.

Наступила новая пауза.

— Гяль-дост-олаг, — с натугой произнес Алик после короткого раздумья.

— Нет, это не то, ты декламировал другое, не путай, это не очень музыкально.

— Нет, я говорил это, как я мог сказать другое, не путай сама, — гяль-дост-олаг! — заупрямился Алик.

— А что это означает?

— Это означает: давай будем дружить! — выдохнул Алик и вприпрыжку, как-то боком понесся прочь, благо со стороны «Фиалки» появились «Школьные годы», и среди них Сережа.

Она закончила к сроку девять заставок, на выбор. А спецкор явился за ними с опозданием на сутки. Пришел в рубашке-сетке, но все равно его шею, и нос, и руки осыпали росинки. Он еле дышал. Свое опоздание мокрый блондинчик оправдал так: никак не ожидал, что Рушева управится с его заданием за трое суток, поэтому преднамеренно подсократил свой срок. Спецкор забрал все, что она заготовила, — и ничего не похвалил.

Да, девять набросков, и кое-что вышло у нее вполне сносно. Игры в чехарду и жмурки, посадка дерева, Ритка у готового плаката... еще вариант на тему: «Пусть всегда будет солнце!», ребята на лежаках у моря. Но спецкора ничто не тронуло. Больше того, вспомнилось: никто из проходивших, наблюдавших ее рисование заставок, тоже не бросил ей ни единой реплики. Хотя бы и ехидной. Худо. Скверно. Нет оценки хуже, чем оценка равнодушия.

Из-за таких мыслей на душе быстро стал оседать муторный осадок.

Что же ей нужней всего для любимого занятия, — критика со стороны, похвала или собственное недовольство? И почему, когда муторный осадок отложился на душе особенно мучительно, как раз неожиданно легко сотворилась та, приезжая?

Ходили рассказы: «Кипарисовый» и «Морской» посетила знатная особа, африканская принцесса. И артековка Рушева представила себя саму в «Прибрежном» на месте титулованной туристки. А потом снова пристроилась у скульптуры с ласточкой, — ее просили для предстоящей выставки пополнить рисунки на артековскую тему, — и цветная композиция возникла отчетливо, по воображению.

...Лестничный марш-зигзаг (похоже на «Фиалку»), на верхних ступенях из-под обреза листа видны чьи-то ноги, — понятно, что все места заняты, приезжую отовсюду наблюдает ребятня. На средних ступеньках замерли две артековки, стриженные под мальчишек (одна тем не менее напоминает Оленьку). Все смотрят вниз, на проходящую мимо невидаль.

Принцесса из Африки! Глаза подружек, четыре черточки, широко раскрыты; обе думали, что принцессы — сказочные выдумки. Оказалось — нет, есть и настоящие.

Принцессу она дала крупно. Юная смуглянка не проходит, скорее, убегает: складки туники, пять-шесть линий, струятся за ее плечами от быстрого движения. У чужестранки рука в браслетах, воздушная фигурка, но голова склонилась. Во взгляде вопрос, он властно требует ответа. Властно — от самой принцессы. Девушка потрясена: впервые в жизни она видела детей, которые счастливее властителей. В «Морском», весьма возможно, повстречала Руди.

После принцессы рисовала Мальчиша-Кибальчиша. «Школьные годы» отлично исполняли пляску буденовцев, поставленную по повести Гайдара, и Мальчиша танцевал Сергей. Темпераментно исполнял, куда только и девалась его кадрильная галантность! Захотелось при случае подарить ему что-нибудь на память.

Мальчиш-Кибальчиш.

Ее «Мальчиш» вышел худенький, в распахнутой буденовке.

Опорными пунктами рисунка стали звезда, глаза и губы. Звезда вышла размашистой, под стать буденовке, во весь лоб. Губы — плотно сжатые. Глаза глубокие, говорящие, черно-огненные. Во взгляде — готовность к бою, ненависть и боль. Брови чуть нахмурены, из-под козырька откинут вихрем лихой мальчишеский вихор.

Когда дочеркала вихор, за спиной сказали: «Здорово!»

В дневнике появилась пометка «23-М», только ей одной понятная. Хотя ничего секретного в ней не было, просто сокращение. Для памяти о чудесном вечере на Костровой, где гостями у них были и Савельева, и Збруев (только что снялся в «Двух билетах»), и Лановой. Последний представился особенно:

— Перед вами артековец! — какого-то там года...

Шквал аплодисментов.

После встречи с такими солидными артистами показан был... «Морозко»! Однако и «Морозко» смотрелся с удовольствием.

Она сидела возле Роберта и объясняла, как могла, диловинки русских сказок: змея подколодная, баба-яга, мачеха, приданое, старичок-боровичок... Полная неожиданность: несмотря на всяческие трудности, никакой другой фильм Роберт не смотрел так восторженно. Все его смешило: и Тяпа, и свинья в упряжке, и дубинки, закинутые в «космос». А какое ликование вызвало пение Морозко: «Елочка, наша елочка, в лесу родилась елочка!»

Роберт с места даже привскочил и руки протянул к экрану.

... «23-М» — 23-го июля на Костровой «Морозко». Вот и все. Нет, не все. Алик для стенновки дал превосходную рецензию. Феноменально: Роу, Зуева, Хвыля, Милляр, Яншин, Чурикова, — как только он смог запомнить всех создателей картины! Отметил оператора, пейзажи и режиссерские находки. Правда, разбор его оценок в пресс-центре вызвал споры. Алик особенно похвалил душеньку Марфушеньку. Ерунда какая-то... Она и Ольга до хрипоты защищали Седых. Но Марк Антонович решительно взял сторону Алика, и Ольга моментально расстроилась, ушла в сторону моря. Когда же рецензия появилась в «Парусе», огорчился Алик. Заметка начиналась у него сердито: «Хорошие фильмы для детей выпускаются у нас не часто». Марк убрал «не», и такое исправление Алика отчаянно расстроило.

Она утешала его всячески, уверяла, что на правке могли оставить свой след и наскоки правильной тетеньки. Все впустую.

Единственный памятный разлад в пресс-центре. Зато к Алику пришла заслуженная слава эрудита-критика. А ей самой школьная англичанка за тот вечер на Костровой, за помощь Роберту вполне могла бы поставить законную четверку.

Когда же состоялся «Турнир всезнаек», они с Ольгой и вправду чуть было не рассорились. Причем напропалую. Как президент КЮДИ, она постоянно выбиралась председателем жюри различных конкурсов. Так случилось и на том турнире, где в судьи выбрали и Ольгу. Ареной схватки стала родная Костровая.

За порядком в командах следили секунданты, Марк с Наташей. Звенья вожатые поделили по номерам: нечетные — «голубые», а четные — «желтые». Марку поручили «желтых», где капитаном оказалась Лёська. «Голубых» взяла себе Наташа, зачинщица турнира. Наташа составила и сценарий, и вопросник с ответами, поэтому Ольга к вожатой отнеслась весьма придирчиво: не будет ли подсказок? Подруга высказалась в том смысле, что на арене достаточно оставить одних капитанов, а место вожатых — среди судей, подальше от команд.

— По-моему, предложение хорошее, — согласилась Полозкова, третий член жюри. — Давайте введем вожатых в наш состав, но оставим их с командами.

Как председатель, она со Светланой согласилась. Не было ни малейших оснований ожидать подсказок со стороны, за Наташей вообще не водилось ничего нечестного. Вожатые остались на площадке, и Ольга впервые заметно помрачнела. И совершенно зря!

Да, выявилась еще одна довольно важная деталь: у Наташи «голубые» капитаном выставили Алика.

Итак, слева «желтые», Марк и Лёська. Справа «голубые», Алик и Наташа. Такой была расстановка сил к началу боя.

Три нитки разноцветных огоньков тянулись веером от амфитеатра к пилонам, замыкающим площадку, напоминая про кадильный вечер. За радужным свечением гирлянд огромное захребетье Медведь-горы слегка растушеввалось. Но окружающие красоты запечатлелись мельком, накал страстей на поле боя вскоре поглотил все судейское внимание. «Желтые» повели в счете, и Ольга немного успокоилась.

Объявили шуточный вопрос: какой хлебный злак не сеют, не жнут, не едят и у себя не терпят?

Вовка-ботаник, «голубой», выскочил вперед и завопил: «Ячмень!» Он схватился за глаз, и все повально грохнулись оземь, потому что накануне у ботаника веко побагровело, а с утра стало действительно зернистым.

Наташины «голубые» за Вовкин ячмень получили законных два очка, заметно подтянулись, и Ольга снова посуровела. Затем задали вопрос и посерьезнее.

Прозвучал музыкальный отрывок, — требовалось назвать произведение и автора. Музыка еще не смолкла, а Лёська уже назвала Рахманинова, второй концерт, часть и номер сочинения. Амфитеатр и «желтые» ударили в ладоши. После турнира Лёська объяснила, что ей помогла гимнастика: упражнения с лентой она готовила однажды под отрывок из концерта. Надо же, второе совпадение! Как бы там ни было, зачетные очки получила и команда Марка. Ольга просияла и с Лёской, видимо, заочно примирилась. Борьба шла очко в очко, и все должна была решить последняя задачка. Костровая замерла: что-то будет задано?

У пилонов лежал укрытый щит, Марк Антонович поднял его и повернул: открылся текст, «отрывок из романа». Наташа заранее предложила объяснить его главную особенность.

Пошел отсчет времени, на разгадку давалась нещадная минута. Минута. На щите читали, хлопая глазами:

РОМАН А. КУКА «НА МОР»

«...ГОЛО, ДЕНЬ НЕДОЛОГ; МОРОЗ — УЗОРОМ
УРАГАН И СЕНА НАНЕС, И НАГАРУ. УЖАС: ТЕСЕН
ШАЛАШ, НЕСЕТ САЖУ. ТЕЛО КОТА НОЖ ДЖОНА-ТО
КОЛЕТ! ЛИР УТРОМ АНЮ НА МОР ТУРИЛ. ХИНУ НИНЕ
БРАЛ АРБЕНИН У НИХ...»

Дичайшая абракадабра!! Если бы на Костровой сидела правильная тетенька, она бы ужаснулась: как можно предлагать ребятам подобные загадки?! Наташа между тем посмеивалась в ожидании.

Секунды тянулись, как перед запуском ракеты. Метроном свое отстукивал бесстрастно. «Голубой» Гога вскинул руки и завопил: «Знаю» — одновременно с последним ударом метронома.

— Время истекло! — не удержалась Ольга, но вокруг уже шумела буря, и гром гремел, весь амфитеатр ошетинился, все встали с мест и горланили:

— Пусть объяснит! — Дайте человеку слово! — А может, он ошибся? — и все такое прочее. На щит уже и не смотрели, хотели

слышать Гогу. И Гогина догадка оказалась верной, ларчик открывался просто. Ясно же, что на щите читалась шиворот-навыворот любая фраза. Даже заголовок! Пошла общая проверка, все жаждали найти ошибку, Ольга и «желтые» — особенно. Кто-то сгоряча орал обрадованно:

— Ага, здесь неправильно! — и срывался; стоял сплошной рев.

В таком гвалте и предстояло решить, что же следует зачесть: правильный ответ или спорную просрочку времени? Марк Антонович приблизился к жюри в одиночестве: Наташу качали «голубые». Ну, не совсем качали, только готовились, но весьма серьезно; шумели: «Качнем!» — и обступили основательно. С ума сошли! Наташа отбивалась, еле урезонила своих чудиков. Вместо нее качнули Гогу, и здорово качнули, под самые подвески, Наташа только охнула. А на жюри набежали «желтые» во главе с раскаленной Лёской. Гунны и аланы... Побежденные окружили судейский стол, хором поддакивали Ольге: подруга стояла за просрочку времени. Все хотели слышать председателя. И она заявила убежденно: следует зачесть ответ! Пусть Гога вскинул руки в момент остановки метронома, — что из этого? Догадался он все-таки вовремя. Да и невозможно установить, когда он вскинул руки, а когда крикнул, нет же фотофиниша! И вообще, хорошо ли придирается к мелочам, когда нужно поощрять сообразительность и наблюдательность?!

Марк Антонович первый поступил по-рыцарски, высказался в пользу «голубых» и Гоши. Ольга прикусила губы, «желтые» заныли, и тремя голосами «за» при одной мрачно воздержавшейся жюри присудило победу «голубым». Что тут было!

Марк Антонович вовремя сообщил сенсацию и тем остудил огненные страсти: не кто иной, как Наташа сочинила все фразы-перевертыши! Она же и щит разрисовала, все в глубокой тайне. «Желтые» прикусили языки, — вот это да! — их ошеломило творчество Наташи.

Последующие события развивались главным образом под знаком перевертышей, все искали оправдания собственной отсталости.

— Я считал, что разгадка там, где Лир гонит Аню на мор, и стал соображать: может, это наша Кнопочка? — объяснял один.

— Вот, — мучился другой, — Лир, Нина и Арбенин: я подумал, что загадка театральная. Потом спутался, — при чем тут кот?

Умора!

Ритка честно призналась, что все время смотрела на щит, как на новые ворота.

— А как он-то догадался? — спрашивали про Гогу. — У него по русскому тройка с минусом. Даже с двумя хвостами, сам говорил, что не тройка, а комета Челибадзе...

Одиночные намеки на подсказку звучали некрасиво, большинство «желтых» их решительно отвергло. Хотя Гога и объявил: почему заорал, сам не понимает. Посмотрел на заголовок с конца, получилось «Ром-ан», он и завопил: «Знаю!», хотя дальше не проверил.

— Про Лира и кота я и не подумал, — прихвастнул Гога.

Уж лучше бы молчал.

Лёська в сердцах заметила, что у Гогена мозги набекрень, вот он и догадался.

Возникло стихийное движение, все кинулись придумывать оборотки. И получалось курам на смех, вроде: «Ишак у каши». Неудачники вспоминали ту знаменитую «А розу», которая упала на лапу не совсем понятного Азора. Если кто и отличился, так это Анкета. Кнопочка придумала оборотку просто бесподобную: «Дорог миру Рим-город». Но более других турнир осчастливил Вовку. По дороге с Костровой он объявил, что сочинил отличный перевертыш. «Какой, ну, какой, скажи», — приставали отовсюду, и Вовка торжественно изрек:

— Я — дядя! — все так и полегли. И к фотографу немедленно прилипло новое: — Ха-ха, Вовка-дядя! Так «Вовка-дядя» и осталось до самого разъезда.

У нее самой обнаружилась крайняя бездарность, на ум ничего не приходило, один «кадак», дешевенький шарф из шелка — потувински. Ничего не лезло в голову еще и потому, что с Ольгой тем вечером ей было не до шуток.

— Ты меня предала! предала! предала! — стала внезапно задыхаться подруга на прямой аллее, что вела к «Фиалке». Здесь не было торшеров, и они отстали от общего смеха, толкотни и споров. — Ты меня решила предавать с самого начала. Ты не поддержала меня, когда я захотела отвести с поля Наташу! Ты поддержала Полозкову, потому что она старшая вожатая! Ты неправильно засчитала время! Ты неверно присудила победу этому Гошке! Ты все, все, все делала мне назло! Ты подсуживала «голубым», потому что у них капитаном оказался Алик. Ты хотела показать одно, что ты — пред-се-да-тель! Ты сама... перевертыш, не председатель, а предатель!

Кажется, — все. Они шли по длинным ступеням, и с каждым

шагом все выше поднимались по бокам кипарисы, залитые черной тушью. Луна за их силуэтами пряталась невесело, и после ослепительной Костровой любимая ими аллея превратилась в тюремный коридор. Бледновато-зеленый, куинджевский свет оттенял кинжальные вершины, воспринимался нереально. Она шагала по длинным ступеням рядом с Ольгой не спеша, ни на что не возражала, только прикасалась к подруге локтем. Наверно, сознавала, что случился приступ, все доводы будут не ко времени, поэтому на обиды отвечала тихо и бессвязно:

— Ну что ты, Олечка... что ты говоришь... ну, разве я могла бы?.., разве тебя не понимаю?.. — все в таком духе. Ночью долго не засыпала, задавала себе трудные вопросы: «Может, Ольга в чем-то и права? Может, я действительно хотела только одного — похвалиться председательством, а? Может быть, и вправду надо было в чем-то поддержать подругу? Может... может... может...» — вспоминались острые камешки под ногами, лунная распыленность и то, что накануне Ольга и она пели вместе, на той же аллее: «И желтый цыпленок по небу плывет!..»

Да, был такой вечер, турнир всезнаек. Не замечалось тогда только лунного отблеска. Все остальное было: и потемки на дорожке, и галька под ногами, и Ольгины попреки. А лунного озарения не замечалось. Это она зачем-то придумала его в долгую бессонницу.

Рано утром она с Ольгой помирилась, и никогда больше не повторялось ничего подобного. Едва спросонья попыталась поморгать на свет, Ольга тут же (проснувшись первой и ждала, когда пошевелится спящая) протянула руку к ее постели, коснулась ее плеча и чуть слышно выдохнула:

— Ты на меня не дуешься? — и сразу же добавила: — Меня чокнуло придурью, ты судила правильно.

Она вспомнила вчерашнее, сразу поняла Ольгу, все, что творилось в Ольгиной душе, и дико обрадовалась тому, что размолвка кончена. Два дня затем они не касались ничего колючего — ни Гоги, ни Наташиных талантов, ничего того, что заставило поссориться. Артековские дела помогали примирению. Проводился праздник Нептуна, после турнира наспех подготовленный, в застарелом оформлении. Они улепетнули с пристани, забрели на безлюдный скат и сели у обрыва. Глядя на глинистую, с камушками, осыпь, она внезапно остро и нежно припомнила — ощутила далекую землю матери. Прошное прихлынуло, наверное, еще и потому, что утром пришла драгоценная посылка. Она получила ситцевое платице в оранжевых разводах и браслетик, бесподобно симпатичный, под серебро, с узорчатой россыпью лазоревых стекляшек. Все кстати:

готовился интернациональный вечер, куда приглашали и не в форме. Когда полученное разбиралось, из платья выпали два дорогие рублика, родительский подарок на сладости-сластености. Оранжевое одеяние мама сшила ей сама.

Вспоминая с Ольгой про посылку, она как-то незаметно перешла к рассказам о Туве, где остались дорогие ее сердцу люди голубых рек.

О картинах детства говорилось вполголоса, с передышками, в раздумье.

— Мне было всего три с половиной года, когда мама решила полететь со мной на родину, в Кызыл, — слушала Ольга непривычно глуховатый Надин голос. — Отец и дедушка Костя при сборах, понятно, без конца переживали, как, мол, такая кроха отправится за тридевять земель, как осилит перелет. А такая кроха все местные условия перенесла не хуже мамы, а самолет — вообще героически, потому что то и дело засыпала.

В Кызыле приземлились радостно, я маминых родных издалека узнала, фотографии дома не зря изучила по альбому. Разгадала и тетю Раю, и ее мужа, дядю Олега Саган-оола. Он уже тогда был известный тувинский писатель и поэт.

Как сейчас вижу перед собой улицу Красноармейскую, на которой мы жили у тети и у дяди. Кызылский театр вижу. Там познакомились мои родители. Папа готовил декорации. Он оформлял спектакли. Мама, когда гуляли, показала дом, где после женитьбы они с папой снимали комнату, там даже печки не было. Мама готовила еду во дворе. Ход в комнату был прямо со двора. И ничего, жили, очень даже счастливо... Мы ходили в парк, на берег Енисея. Я сначала путала, решила, что река называется не Енисей, а Елисей, как пушкинский царевич, сказки-то я знала. Представь себе, в парке целехонькой оставалась та самая эстрада,

на которой мама исполняла свой любимый танец «Звенящую нежность». Его название звучит очень выразительно, не правда ли?.. Ольга названием танца восхитилась вполне искренне. — Потом ребенку была показана главная достопримечательность, но я тогда не домыслила ее значения, никак не могла понять, чем гордится мама. Позже, конечно, поняла, что такое Азия, все остальное прочее. Кызыл, представляешь, действительно географический центр материка, надо полагать, условный. Теперь, как нам написали, на месте камня поставили красивый обелиск.

Старшие внушают, что в тот приезд мне пришлось по душе дядины чучела тарбагана — это вроде нашего сурка — и белки. Я будто бы перед отъездом даже намекнула, что желательно этим чучелам показать Москву.

А во второй раз все было иначе. Через четыре года полетели в Кызыл уже в полном составе, все три эн. У нас ведь у всех инициалы одинаковы, и я эн, и мама эн, и папа тоже эн; я тебе известна, а родители — Наташа, Николай...

— С той поездкою удачно вышло, она сама собой устроилась. Ленинградские киношники задумали поставить о Туве документальный фильм, первый в этом роде. Папу пригласили в съемочную группу, там была громкая должность, художник по костюмам; папе пригодился опыт. Он и в самом деле Туву узнал на совесть, со всех сторон; накопил множество пейзажей, еще больше — зарисовок, у него есть и национальный орнамент в эскизах, и утварь, и одежда для обрядов, головные уборы, всякие этюды. Забыла тебе сказать, что в первый наш приезд мамыны родные вспоминали даже не о том, как художничал в Кызыле папа, а о том, каким он был волейболистом. Да, не удивляйся, числился женихом и ездил на соревнования, защищал спортивную честь города Кызыла...

— Теперь он следит и за моим физвоспитанием, все мы летом ездим по грибы, топчем вдоль и поперек наше Подмосковье, а зимой, естественно, катаемся на лыжах...

Так вот, во второй раз мы поехали сначала в Ленинград. Папа удалялся на студию, а я и мама целыми днями топали по граду на Неве, начиная с Эрмитажа и Русского музея, поклонились последней пушкинской квартире... сплошь открытия, глаза и рот разинуты, рот — на сливочный пломбир... не жизнь, а полное блаженство. Ну, а потом группа отправилась в Туву, и тут уже самолет я освоила как следует...

Папа позаботился о развитии ребенка, усадил около оконца. И все собирали для меня небесные леденчики. Я сосала их и наблюдала самолетное крыло, как оно блестит на солнце и как

свободно наклоняется. Как из-под него без конца выползает разная мелкота, цветные нитки и бусинки, зеленые барашки. Был и такой момент: отвлеклась леденцами, а потом глянула в окно, а там сплошные облака, и я почему-то представила, что самолет перевернулся и летим мы вверх колесами. А когда к нам снизу стали подниматься горы, подумала, что начинаем горную посадку; тоже... игра воображения. Впрочем, ты ведь и сама летаешь самолетом, зачем тебе рассказывать...

Во второй раз мы в Кызыле пробыли недолго, всего дня два, потому что места для съемок наметили на реке Чадане. Название фильма было поэтическое: «Люди голубых рек». Но в те дни уже я повела маму к «Центру Азии», сама разобрала каменную надпись и обследовала историческое место. Ничего особенного, площадка как площадка, но все равно к «центру» прониклась я почтением... Ось земли...

А за Енисеем, он по-тувински зовется Улуг-Хем, Великая Река, я на далекой горе прочла огромное слово, его выложили камнем: «ЛЕНИН»; и вся даль запечатлелась...

Мы ехали в Чадан на автобусе с одной дверкою, когда ее закрывали, она бухала, как пушка. Папа стал экскурсоводом, этим он любит заниматься, хоть хлебом не корми, посвящал товарищей в экзотику. И киношники на всякого суслика вопили от восторга. А я сидела возле мамы, и она вспоминала для меня свое детство...

Она, конечно, много дополняла, но я и прежде слушала, как новое, потому что не только слышала, но еще и видела... Знаешь, это очень верно сказано: «Лучше раз увидеть...»

Мне показали по дороге юрту, настоящую, не то что у нас дома на открытке. Я в общем представляла, что она похожа на здоровенную палатку. Но в палатке разве зимою проживешь, да еще с ребятами? И когда я увидела юрту, сразу запомнила множество новых слов: орун — лежанка, кошма — коврик, идики — такая обувь. Понравилось такое слово — шулбусы, по-тувински — злые духи...

Когда составляется несколько юрт, получается аал, это становище. Мама родилась в аале Баян-Кол. Ее отец был арат — это скотовод, кочевник... дедушка Дойдал. И мама была у него самой младшей дочкой. Только-только научилась бегать без всяких идигов, как стала сиротой, свою маму она совсем не помнит. По-моему, это большое несчастье, если человек не может вспомнить матери... Все случилось тогда, когда в Баян-Кол явились эти самые шулбусы, во всех юртах стали болеть оспою. Умер мой дядя, старший мамин брат, не стало бабушки. В горы не успевали отвозить покойников... Потом, когда оспа кончилась,

в юрту пришла вторая бабушка, Бильчит, и стала воспитывать оставшихся, — тут Надя с рассказом заспешила. — Только в десять лет мама уехала в аал, где имелась школа. Теперь про оспу в тех местах и думать перестали, ребятня бегают в школы, как положено. И не хочу я говорить, как маме было тяжело, и вообще... какие беды перенес ее народ за свою историю. Ольга перебила:

— Вот видишь, сама подтвердила, что ты дочь революции. Завидую тебе по-белому, ты уже дважды побывала на земле предков. А я — ни разу. Мой папа родом из Ленинградской области, там в деревне Уголовке наши близкие живут, мечтаю с ними встретиться. Да все не удастся.

Они поднялись и пошли к «Фиалке». — Чувствую, что ты соскучилась по матери, — сказала Ольга, покусывая пахучую травинку.

Экскурсия по Южному берегу дала основание для нового раздумья. В Алушке ей следовало несколько сдержаться.

Воронцовское великолепие, весь изощренный убор дворца (стиль Тюдор, она про такой и не слыхала!), а главное, фамильные портреты, работа Доу, мраморные бюсты настроили ее на лекционный лад. И она увлеклась.

В бильярдной ее поразили слова экскурсовода о картине в углу, за оградительной шнуровкой: «...купец Тибсон». Небольшое полотно, портретное, она издали не сразу узнала его и подумала, что работа кисти Рембрандта. Имелось нечто схожее с манерой письма: затемненный фон, а лицо выхвачено из полутьмы огнем. Мужчина, через лорнет читающий газету, не замечает, как горящая на столе свеча подожгла его широкополую шляпу. А на табличке внизу: «У. Хоггарт. „Политик“». Не сдержавшись, она воскликнула: — Вот он, Хоггарт! Надо же!

— Что Хоггарт — надо же? — тут же переспросила Анюта и подняла на нее лучистые глаза. Кнопочка жаждала узнавания, рассказа.

— Нигде нет Хоггарта, даже в Эрмитаже (сама на себя тут же хмыкнула: прозвучало в рифму, не хуже, чем у Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме»). Девчонки, это живописец восемнадцатого века, в Англии он прославленный, современник Свифта. Его картин в наших музеях нет, одна эта. Я ее репродукцию, только слепую, черно-белую, видела у знакомых и представила себе совсем другое. Там не было видно, что свеча подожгла шляпу, и не было сказано, что это купец. Я решила, что изображен действительно политик и придумала целую историю. Вот он вбежал к себе в кабинет и набросился на документ, которого давно добивался, всякими путями. Получил донос на своих противников и уже прочит им Тауэр, топор и прочее. Нарисовала себе такую детективную картинку. А на деле смешно: какой-то купец мнит себя политиком, мусолит, как всегда, свежую газету и не чувствует даже, что загорелся. Не драма, а сатира, Хоггарт был сатириком.

Анечка и Рита, Лёська да и Ольга рассмотрели «Политика» повнимательней, с усмешками. Все отстали от основной группы, пристроились поближе, и она стала рассуждать о том, как трудно открываются порой простые истины. Как можно было бы, например, оживить понимание того же Пушкина, его стихов, посвященных Воронцовой, хозяйке этого дворца. Первое знакомство, читаешь просто так, посвящений часто нет, а

примечания упрятаны в концы томов. За стихами ничего особого, жизненного, и не видно. А вот если порыться в комментариях, в указателях имен, а затем взять еще воспоминания и письма, вот тогда-то и открывается зримая картина. Да еще какая, — живая, за всех переживаешь.

— Не знаю, как у вас, девочки, но в школах, по-моему, нигде и не пытаются вести такие чтения, чтоб стихи и тут же примечания, письма, мемуары, а затем — снова стихи. Тогда они в сердце отзовутся. А то ведь иногда самое интересное и важное — мимо ушей! Скорей всего и самих педагогов такому чтению не учат, — она принялась пояснять, как узнавала своим способом все, связанное с Воронцовой. Упомянула «полумилорда», Раевского, но тут же перехватила взгляд Ольги, явно укоризненный. Поняла его так: «Достаточно, не подавляй!» — и мгновенно спохватилась.

Быстренько перевела внимание подруг на недавний рассказ Васильева об одном отчаянном разведчике, благо возле услышался разговор о катере на Мисхор. Советский воин, спасаясь от фашистов, взбежал на «Ласточкино гнездо» и прыгнул вниз, с высоты сорок метров! Фашисты остолбенели, решили, что разбился. А он остался жив и вынырнул за скалой на камни — и ушел, не замеченный врагами. Вот это подвиг!

Ночью, после поездки, она с полчаса ворочалась с боку на бок, вспоминала Ольгин взгляд и притихших остальных подруг. Да, все было в меру, пока она говорила о Хоггарте. А «полумилорд» и Раевский, примечания и письма — это пошло уже через край, пересол и перебор. Вольно или невольно, но пробилося наружу что-то вроде превосходства.

Наутро она встала молчаливее обычного и нашла для себя черновую работенку. Пошла мыть полы, помогать Кнопочке, — Анино звено дежурило. И Кнопочка спросила ее с какой-то доверчиво-благодарной интонацией, припомнила вчерашнее:

— Надя, так что же, надо и мне читать все так же, как ты про Пушкина? И этот неожиданный вопрос Кнопочки моментально снял с ее души мрачную подавленность.

Марк, Ольга, Алик и она, как представители первого отряда, пошли вместе в «Морской», на последнюю пресс-конференцию — с арабами. Марк решил, что Ольга при случае сумеет рассказать о целине (Ольга просияла), Алик — про Азербайджан; как-никак его республика, чья история связана с исламом, может оказаться полезной для бесед и в этом отношении.

— А ты, Надя, поделишься тем, как заслужила делегатскую путевку. За ними увязалась жаждущая рассказов Анечка, но все равно они шли как бы вчетвером. Только Алька никогда не был

прежде таким сосредоточенным, а Ольга никогда не казалась такой красивой, как во время того памятного шествия. В своем воздушном платье, насквозь просвеченном солнцем, подруга касалась сандалетками не камней, а облаков. Марк рассказывал о Мозжухине и Коваль-Самборском, обращаясь все больше к Ольге. Алик брел, понунив голову; странное дело, его не будоражили киношные истории. Зато Аннета прыгала вокруг, стараясь не упустить ни одного Маркова словечка.

На беседе ее ожидал сюрприз. За столиком ведущих оказался... Руди! Такой, каким она его и представляла: слегка косолабый, крупноскулый, в жестких завитушках, глаза застенчиво опущены. Только совсем тощий. Наверное, никогда в жизни он так и не отъестся... Она сидела вблизи, и видела, и слышала, как ее показали Руди: «Вот кто тебя нарисовал». (Постаралась Ольга).

А ей самой не пришлось беседовать, даже не удалось послушать выступления. Из-за этой встречи с Руди получилось так, что часа полтора она «работала на дружбу», как выразился после Алик. Едва ее показали Руди, как соседка, помнится, из Триполи, дала ей авторучку:

— Нарисуй мина... — пришлось достать блокнот, вырвать листок и прочертить линию моря; выгнуть могучий контур Аю-Дага, произвести на свет горниста, написать: «Не забывай Артека!» Тут же десятки оливково-коричневых рук потянулись к ней за такими же листками. И она рождала то двух артековцев, смуглого и светлого, взявшихся за руки, то солнце в виде ромашки, то хороводы девчушек, то эмблему слета, писала: «Помни друзей!», «Пусть всегда будет мама!», «Береги мир!»

Встреча кончилась, нужно было идти на последний митинг, где должны были принять обращение к детям всей Земли, но ее оставили рисовать. Она едва успевала спрашивать: — Откуда ты? — Как тебя зовут? — Что тебе нарисовать? — вокруг теснилась очередь.

Сколько было в ее блокноте страниц? Сколько дали ей со стороны? И где они теперь, ее памятки? Хранят ли их ребята?

Бумага, и своя, и чужая, кончилась, и в поле ее зрения появился Алик. Она узрела его только тогда, когда возле поредело.

— Ты что делаешь? — ахнула она, удивляясь не столько его присутствию, сколько тому, что он расписывался на ее рисунках. Она вернула один листок и на обороте прочитала четкое: «Н. Рушева».

— Зачем ты это делаешь? — изумилась она еще более.

— Должны же они знать, кто рисовал для них в Артеке!

— Зачем?

Она как-то сразу и не осознала, что их оставили Ольга, Марк и Анечка, шла и возмущалась его нелепым своеволием.

— Глупейшие росчерки! Ты не должен был их делать!

— Все ставят на своих рисунках подпись...

— Кто это — все?..

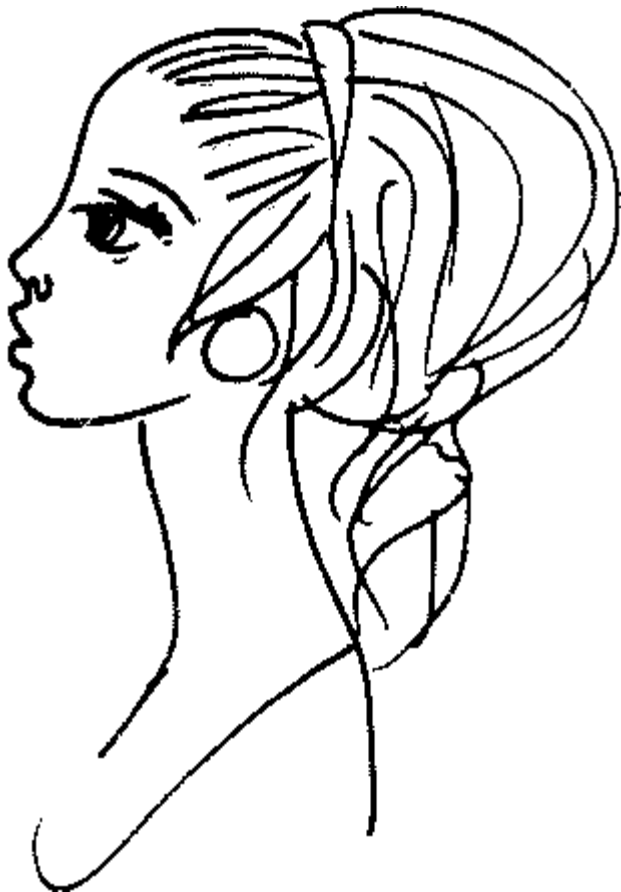
— Ну, кто — все...

Она вышла из себя и ляпнула:

— Если б я не рисовала, ты бы со мной и не дружил!

Бесспорно — ляпнула. И весьма крепко. Тем самым она первая официально признала факт существования их дружбы. Во-вторых, Алика упреком дико огорошила. Он, загорелый, посерел. Они миновали развилку, где надо было бы свернуть на митинг. Картинка без слов: пошли, как автоматы, все дальше, в сторону Дворца.

Лимонная бабочка с лиловыми разводами привязалась к обоим и несколько шагов порхала между ними, натыкаясь то на нее, то на Алика и не поспевая прорваться в сторону. Она посторонилась и пропустила бабочку.

Подруга. Название условное. (13 лет.)

Так, в отвратительном молчании, они добрались до того участка, где ребята из разных стран оставляют в Артеке свои саженцы лавров и магнолий.

Привстали и начали перечитывать чудесные дощечки: «Дети Перу», «Дети Мали», «Дети Вьетнама» — симфония единства, признательности, мира. От Алика, наконец, послышалось:

— Когда я его догнал, то и не знал совсем, что ты художница...

Он опять назвал ее художницей! Несносно! Вопреки запрету! Следовало возмутиться всерьез и надолго, но ее озадачило начало фразы:

— Догнал? Кого ты догонял?

— Того идиота, который сбил тебя тогда на камни, там, У стадиона.

В памяти стало смутно проясняться нечто давнее.

— Постой, погоди... За тем (она едва не повторила «идиота») погнался, я вспомнила, Олег какой-то... — Так я же и Олег. Это ребята здесь и в школе зовут меня Аликом, а вообще-то я Олег.

Все верно, Алька совсем недавно называл себя Олегом! Когда рассказывал про доктора Мирзаги, она услышала его второе имя. Ну, не второе — первое. Сначала не сообразила, а после — ни к чему. И спорить стало не о чем. Гяль-дост-олаг! Да, да, гяль-дост-олаг!

Они подошли к Дворцу и на крутом спуске взяли друг друга за руки. Чтоб не оступиться. Она захотела сказать Альке, что назавтра ее вызывают сюда вот, во Дворец, будут снимать у Ленинского знамени. Такое решение принял штаб слета, и о нем объявила ей у Васильева Света Полозкова. Сама она никогда не ведала о подобной артековской традиции — отмечать лучших у главного стяга Ленинской дружины. А узнав, решила никому в отряде не говорить о предстоящем награждении. Абсолютно никому, даже Ольге; Алику тем более...

Когда пошли к «Фиалке», она проговорились:

— Ты знаешь, меня завтра зачем-то вызывают во Дворец...

Проговорилась только для того, чтобы сменить тему назревающего разговора. Проговорилась потому, что ощутила окрыляющее чувство, которое невозможно выразить словами, разве лишь в рисунке. Нежно лихорадило от сознания того, что важна другому человеку, нравишься просто потому, что ты есть, и такая, какая есть. Нравишься даже тогда, когда о тебе толком ничего еще не знают. И бросаются при этом, недолго думая, за твоим обидчиком.

...Назавтра был прохладный холл, полуспираль мраморной лестницы, ослепляющая вспышка. Теплые складки бархата за спиной, шершавые завитки шнуров, — она прикоснулась к ним при съемке. Поздравления...

Как хорошо, что ее награждение прошло для отряда почти совершенно незамеченным!..

Почтовая бумага накануне кончилась, но отыскались две открытки, и она уместила на них письмо родителям, с «продолжением» и «окончанием»:

«Дорогие мои! Получила ваши посылки. Большое пионерское спасибо! Меня будут снимать у развернутого знамени. Это высокая награда. Ездили по Южному берегу Крыма. Были в Воронцовском музее. Там есть маленькая картина Хоггарта.

Выставку мне устраивают. Была пресс-конференция с арабами, а потом митинг. После ужина — концерт. Я

выгладила платье, которое вы мне прислали, и ношу его с браслетом, он очень оригинален и красив. Праздник „Нептуна“ прошел... Делаем последнюю газету. Репетируем закрытие слета. Загорела мало и плохо (от шорт следы остались). Целую. Ваша дочь Надя».

Нет, перед подписью было еще: «С пионерским приветом» , а потом уже «Ваша дочь» . Это письмо — как затаенный вздох. В нем отзвук набегающих разлук с друзьями, югом, Артеком. Все воспринималось остро, с неповторимой смесью чувств. И почетный итог собственной работы, и выставка, немного сиротливая, — все под знаком финиша. Но и грусть набегала радостно, наверное, потому, что до последнего дня не верилось в разлуку.

А тот спуск у Дворца, он был, в общем-то, не особенно крутой...

— Ты стала зависимой, — с неприкрытой иронией намекнула Ольга, едва они с Аликом вернулись в корпус. И теперь уже не подруге, а ей самой пришлось распространяться обо всем, что случилось «по окончании арабов». О каждой мелочи говорилось подробно: подписи на рисунках, ссора, неловкая бабочка, второе имя Алика. Про спуск и руки было рассказано с заминкой.

— С ним жутко интересно. У него широкий кругозор, — она выдала Алику лучшую похвалу, на какую была тогда способна.

— Ты знаешь, он рассказывал о Вургуне и читал пародию на «дютик»,^[2] определенно свою собственную. Еще читал Рецептера, про десятиклассников. Вот это:

...Они сидят, высокие, за партами.
Не слушая учительских речей,
И по домам они уходят парами,
Взволнованные близостью своей, —

чудные, чудесные стихи! И еще, дальше:

...Десятиклассники знать не желают классики,
Им наплевать... что жил Вильям Шекспир...
Но после в школе ставят «Гамлета»:
...И постепенно тает декорация,
И сцена надвигается на зал...
Вот парень обнял верного Горацио,
И вот он их в свидетели призвал,
Что злomu веку не желает кланяться,
Идет на смерть и в страхе не дрожит...
И кончился Шекспир, который классика.
И начался Шекспир, который жизнь.

Вот именно, начался Шекспир, который жизнь! Рецептер оказался общим их любимчиком. После «Десятиклассников» они тараторили уже взахлеб, перебивая друг друга.

И еще Алик нацарапал ей на щебенке «IMР», знак на камне, оставленный римлянами у Каспия, в Кобыстане. Он сообщил и перевод всей надписи:

«ЛЕГИОН XII „МОЛНИЕНОСНЫЙ“

ИМПЕРАТОРА (ЭТОТ САМЫЙ ИМП) ДОМИЦИАНА ЦЕЗАРЯ ГЕРМАНИКА».

— Да, ты стала зависимой, — заключила Ольга тоном человека с опытом. — Знаешь, я открыла, что любовь, как и холера, имеет свои стадии. Ну, не открыла, а проследила, скажем, на примере... Ростовый и еще Карениной. Первое — это впечатление при встрече. Разумеется, оценка, увлечение, и всякие дразнилки, флирт. А потом уже всякого рода чувства, сперва влюбленность, а затем любовь и страсть. У тебя начальная стадия, до чувства далеко. Бывает любовь с первого взгляда, но у тебя — ничего подобного. Все может и пройти, тем более, что ты имеешь отвлекающее средство, двигаешь искусство, — все в таком духе.

Само собой выходило, что Ольга находится где-то на последней стадии. Ведь общаться теперь подруга была способна только в бесконечных разговорах о грядущем дне разлуки с Марком. Не с Артеком — с Марком! Переживет ли она отъезд или не сумеет? Какими будут последние минуты? Секунды? Посмотрит ли она ему прямо в глаза и пожмет ли пальцы? А может, при отъезде артековцы целуются с вожатыми? Наверно, были и такие случаи. Об этом следует узнать...

— Ах, Надька, Надька, какая ты счастливица! Живешь в одном с ним городе! И можешь в любой час его увидеть и услышать! Поговорить по телефону! А я?! Ну почему, почему так получается, что я должна мучиться у черта на куличках?

Прошла ночь, и перед зарядкой Ольга спросила: — Как спалось?

— Славно, — ответила она подруге, не чувствуя подтекста.

— Вот видишь, я права, — ты на первой стадии...

Начало августа — и начало прощания со слетом. Сплошной калейдоскоп, крошка и фантасмагория. Ребята перестали спать. Когда Марк удалялся в свой Гурзуф, мальчишки угрями выскальзывали из постелей, выползали в окна, заполняли ближний бассейн. Гогу на пляж не допускали и днем: от него разило керосином. Гога стал главной жертвой общей мании величия. Даже в пресс-центре опрокидывали стулья и под сиденьями писали: «Клепка С. из Полтавы (или „Чуркин-Муркин“) 2-го (или 3-го, 4-го) августа 67 г.», и тому подобное. Но Гога побил все рекорды. Он сбегал на стройку нового корпуса, приволок оттуда банку с краской и на торце «Фиалки», укрытом сплошными зарослями, вывел метрового «Челибадзе» и такую дату, какую не смогли бы скрыть и вековые лавры. Гоге пришлось отмывать корпус керосином. Он оттирал свое творчество под восторженные клики всех праведных. Лёська ликовала:

— Это тебе за Кука! Эта мука тебе за Кука! Тут Гога оказался действительно на высоте: — Аи, аи, Лёсик, это не-ка-ра-си-во! Не забывай, что мы республики-друзья, вместе соревнуемся. Иди, помоги!..

Заккрытие слета прошло, несмотря ни на что, торжественно. Правда, Юрий Алексеевич уже уехал, и знамя слета не поднималось, а опускалось. Но все равно звучало: — Равнение на флаг! — и все остальное было так привычно, в шеренгах они по-прежнему ощущали локти друг друга. Впереди, как и всегда, шагали их вожатые.

На стадионе ее отыскала бойкая артековка, почернелая, как Руди, в очках. В подростковой вострушке Макарову она едва узнала. «Вот видишь, выполняю обещание, свиделись», — протараторила Иришка и увела ее в свой «Горный»; там собирались делегаты-москвичи, запечатлеть себя на память. Пока допрыгали до «Алмазной», поболтали по душам; впрочем, она все больше слушала. Узнала, что Макарова возглавляла штаб отряда, а Рафик вознесся еще выше, попал в совет дружины. А вот Даня... Даня прибавил еще четыре килограмма. Иришка рассказала про забавное: — Вчера, во время «Зарницы», двух девиц направили в «секрет», следить за противником; велели замаскироваться «по всем правилам военной тайны». Сражение отряд «Алмазной» проиграл, и проиграл с потерями: разведчицы исчезли. Пропали без вести. Их не могли обнаружить до самого отбоя. Напарницы залезли в дебри и решили не поддаваться ни на какие вражеские провокации. Врага не высмотрели, но и себя не выдали. Так в «секрете» до ночи и сидели. — Слушая Иришку, она сама вдруг, того не ожидая, тепло и щемяще вспомнила исчезнувшего после футбола Алика, грушу в компоте, первую прогулку...

На снимке делегации она вышла крайней справа, в первом ряду; группа сфотографировалась у дороги, на подпорной стенке.

А первый отряд «Полевой—Лесной» увековечил себя у родного корпуса. И около столовой. Их троица, Алик, она и Ольга, построилась позади всех, плечо к плечу. Тогда же сообщая утвердили они и символ грядущей переписки: кружок, где три нижние радиуса сходятся в центре, продолжаясь вверх в четвертом: — «Артек-67».

И еще три-четыре мысленные кадра, где-то распалываются, то пригасают отблески прощального костра. Для него Наташа присмотрела вблизи берега укромную полянку. Сплошную романтику. Вокруг не то грабы, не то кедры с торсами богатырей и таким сплетением ручищ-ветвей, что здесь могли бы найти себе темы и малые голландцы. Впрочем, деревья в ее памяти проступили гораздо позже. Тогда же вся флора быстро исчезла во

тьме, за мерцающей вокруг костра освещенной сферой.

К той театральной поляне они долго соскакивали под углом в шестьдесят градусов, или даже круче, — переход Суворова! Круглые камешки больно ёрзали под легкими подметками, отламываясь от насиженных мест и предательски выкатывая ноги вперед, в обрывы. Она отыскала поблизости пальцы Алика и оперлась на них, всерьез не желая трахнуться. На крутизне их пара составила абсолютно деловито. Но Ольга при спуске находилась позади, и подруга рассудила иначе. Из-за спины послышалось: «Словно дети!»

Обходя их троицу, Марк прыгал по уступчикам поблизости. Он казался более хрупким, чем обычно. Наверно, потому, что изящно балансировал руками и стал похож на мима. Ольгина фраза предназначалась ему, была выдана для Марка с особым выражением. Просто немыслимо, сколько же всякой всячины уместилось и прозвучало в тех коротких четырех слогах!

Только вернувшись домой, смогла она понять и хладнокровно рассудить, какое чувство толкнуло подружку на ту неважнецкую фразу. Но тогда сердце больно поцарапали многие оттенки интонации. Она внутренне съежилась от внезапности удара, но не обернулась, а только крепче сжала Алькину ладонь, ответила спокойно:

— Бывшие дети! — тоже всего два слова.

Алик тут же откликнулся, тоже молча пожал ей руку.

Такой вот эпизод. Но времени у них оставалось только для одних прощаний и прощений.

На поляне они расстались прежде всего с артековскими песнями. Вернее, с песнями в Артеке. Звенело, словно присяга: «Придет пора прощания, умчат нас поезда, и станут расстояния большими, как года...» (Сколько пионерских поколений повторяло тут эти же строчки!)

«Но клятву не забудем мы нашу никогда: артековец сегодня, артековец сегодня — артековец всегда!»—последнюю строчку подхватывали мощно, всей поляной.

Звучало вечернее: «Уже глядит луна из-за Медведь-горы, горят на берегу прощальные костры...» (невозможно объяснить, как распевалось такое без разрыва сердца: все, все вокруг сходилось слово в слово!). «Последние деньки, последние дрова, последние значки, последние слова...»

Гога надрывался под свою гитару. Алик мучился вдвойне, смотрел на Гогу исподлобья, у него гитары не было.

Повторяли любимое. «Вальс в ритме дождя»: «В мокрых палатках спят друзья, только дежурным спать нельзя...» (Наташа и Марк вместо «дежурным» громче всех спели «вожатым») «...

Сосны качаются во мгле, словно орган, гудя. А у костра ни сесть, ни лечь, и продолжает дождик сечь... Слушай, давай станцуем вальс в ритме дождя!..»

Приглашение к вальсу старательно выводили буквально все. Кроме Ольги. Потому что в тот вечер отряд прощался и с вожатскими рассказами. Марк поведал о «Мосфильме».

Говорил он до или после песен? Или заполнял паузы? Как бы там ни было, если только он хотел отвлечь отряд от печального, ему это удалось. Потому что в острых языках огня постепенно замелькал город юных мечтаний, множества фантазий и надежд, редких удач и бесчисленных крушений. Неведомый никому, кроме рассказчика.

Сначала в их воображении Марк посеял что-то неприглядное; оно взошло и поросло зонтиками запыленных по уши лопухов и покосилось одноэтажными домишками. Улица Потылиха! Она, москвичка, никогда раньше и не слыхивала о такой исторической окраине в родной столице.

Затем (рассказ был подобен цветному кинофильму) на месте лопухов выросла Великая студия, скопище одностенных городов и весей из фанеры. Царево-Кокшайски, петербургские трущобы и чертоги Аэлиты — «Мосфильм».

Вереница зданий со странными названиями протянулась вдоль бывшей улочки в такую даль, что пришлось пустить надворный автобус, иначе из конца в конец и не добраться...

...И желтый автомобильчик начала века важно устроился на задворках, — настоящий, потому что в студийном гараже не терпели бутафории...

...они увидели цеха, где нет ничего подлинного, где умеют клеивать картон бумажной каменной кладкой и покрывать асфальт пленкой из булыжника. Цеха волшебных превращений.

...наконец, перед ними распахнулась и гримерная, одна на все съемочные площадки, отсюда у Марка вышли под руку дед Щукарь с Екатериною Второю, — ну, как тут было не забыть про грустное?

Самой ослепительной вспышкой в рассказе оказался главный павильон, способный вместить в свои стены три эллинга для дирижаблей. С кровельных ферм, увы, там пышно свисла войлочная пыль десятилетий. Но на бетонном полу Марк поднял роскошные колонны, и на огромный помост, где улегся дворцовый паркет (такой же липовый, как и колонны), медленно поднялись поддурманный князь Андрей и Бондарчук без грима. Первый бал Ростовый!

Было похоже, что рассказчик и сам присутствовал на съемке.

Жаркие вихри костра не хуже рефлекторов играли бликами

на щеках и лбу вожатого, розово оттеняя тонкие линии носа и губ, и снова растворялась в набегающей полутьме вся его фигура.

Ольга смотрела на Марка не мигая. Остальные тоже слушали, как завороженные. Не чувствуя времени, гальки под коленками, не чувствуя дыхания. Костер на долгую память. До конца жизни...

А Наташа раскрыла под конец, как составляет перевертыши. Однажды она прочла справа налево вывеску: «Молоко» и получилось «около М». Приставила то же самое «молоко» и получила: «Около — молоко». Затем на другой вывеске прочла: «Хлеб», тоже наоборот, и вышло «бел Х». Прибавила «леб» и стало: «Бел хлеб!» Так что все гениально просто. Нужно лишь читать справа налево все вывески. И сами собою начнут составляться перевертыши.

Улетела ночь прибрежного костра, и первые делегации стали разъезжаться. Прощались уральцы, дальневосточники, целинники. Выписывались и получали свои вещи киевляне. Рита, Лёсик, Анечка, их подруги ходили сплошь зарезанные. Наташа не ссылалась на позднюю вожатскую летучку, не объясняла причину опухших век. Мальчики крепились до отправления автобусов. Отдельные личности слонялись по различным зарослям. Вовка-дядя, например, долго пополнял напоследок свой артековский гербарий. И Ритка, — ошеломляющее и запоздалое открытие! — ему усердно помогала. Мама моя, за какой-то месяц как все они сдружились!

Дневники запестрели от пожеланий, клятв, напутствий, адресов, имен, стихов и прочего. Свои откровения девчонки передавали друг другу без осложнений и задержки. После каждого слова нужны были знаки восклицания величиной с колонны на балу Ростовой. Сильный пол корпел, выбирая выражения.

На общем слезном фоне то и дело проступало самое надрывное, самое ужасное — Ольгино лицо. Каменно-твердое, как у бюста Воронцовой в Алупкинском дворце. Подруга не плакала наравне с мальчишками. После завтрака отекавила:

— Его не будет. Он уехал.

Как часто случается непредвиденное, ни к месту, ни ко времени. Задумаешь славно, а выходит кувырком. Все ожидания, все планы Ольги рухнули. Зачем-то понадобилось Марку в Симферополь, и он скрылся с ребятами из «Лазурного», на целый день.

— Проводи меня, — попросила Ольга. — И ни о чем не спрашивай.

Сперва пришлось удивиться: о каких проводах идет речь? До посадки в автобусы оставалось еще полдня. — Пойдем попрощаемся с Артеком, — пояснила Ольга. — С нашими дорожками. Но только помолчим.

Они побрели, но молчали пять шагов, потом залопотали без умолку. Только не про Марка. И не про Олега. Они протащились мимо пляжей, миновали гавань, «Кипарисный» и вышли на шоссе. Поднимались медленно все дальше, оставляя позади бесконечные, расшитые змеистыми швами гранитные подпоры-стенки, ковыляя по одностороннему тротуару. Здесь уже не с чем было расставаться, никогда прежде так далеко они не заходили. Но Ольга вела ее словно по маршруту.

Около ворот «Лазурного» (так вот где ты, «Лазурный»!) подъем кончился. Дорога перегнулась и пошла вниз. Они замерли перед открывшейся картиной крымского взморья, окрашенной во все небесные оттенки. На фоне далекой фиолетовой горы светлела горушка поменьше, словно дочурка под рукой раздобревшей матушки. Там, куда сбегало шоссе, угадывалась близость большого поселения, оттуда всплывали домашние дымки.

— Вот и все, — весело вздохнула Ольга, смотря далеко вниз, на пятнышки машин и на разрозненные ручейки прохожих. — А я почему-то думала, что до Гурзуфа гораздо ближе. А на самом деле тут час ходьбы армейским шагом.

Они пошли обратно.

— Когда приедешь домой, не теряй его из виду. Он жаждет посмотреть рисунки Эн Рушевой, пригласи его к себе. Я полагаю, твои родители возражать не станут. Пригласишь? И сообщи мне потом о его визите во всех подробностях. Он обещал мне... переписку. Но я знаю, он обещал мне переписку лишь потому, что я твоя подруга. А ты ему интересна как художница. Ну, хорошо, не дергайся, — как человек с определенной способностью. Не все ли равно. На будущее лето он снова собирается сюда вожатым. И у него в пресс-центре определенно найдется очередное... впечатление. Я же не круглая и отдаю себе отчет. Прекрасно понимаю: ему нравится нравиться. Это его хобби. Жена и не ревнует. Я буду жить твоими письмами...

В часы отъезда «Икарусы» с кострами на боках подают на верхнее шоссе. На площадку у корпуса «Прибрежного», где трудится администрация. «Плато рыданий и стенаний». Когда Ольга устроилась у окна автобуса, она различала подругу за широким стеклом довольно-таки ясно. Но потом «Икарус» дернулся, каменное лицо Ольги тоже дернулось, стало таким же непохожим на себя, как и лица в остальных окнах, — расплылось и перестало различаться. Кто провожает с радостью свое счастье? Осталось утешение перечитывать дневниковые записи и сказку, три тетрадные странички. Эта сказка родилась у подруги после похода на Роман-Кош, по тропинкам партизанской славы. Скорее всего как результат полярных переживаний: с одной стороны — легендарные места, а с другой — отсутствие в походе Марка. Так или не так, но появление Ольгиной сказки память почему-то связала с походом на Роман-Кош. На другой день, когда они укрылись в излюбленном кипарисовом тайнике пониже «Незабудки», Ольга вручила ей три тетрадные страницы, исписанные вкрявь.

— Прочти, я сочинила ночью.

И она прочла:

«Сказка о миме Мульте.

Жил-был мим. Он был бродячим актером и поэтому многое повидал за свою жизнь и знал много хороших людей. Они любили его, а он любил их.

Мима звали Мульт. Он сам выбрал себе это имя. Мульт — это маячившая на земле черная фигурка, бледное лицо с большими, вечно печальными глазами. Мульт — это руки с длинными тонкими пальцами. Мульт — это доброе сердце и нежная душа. Он поражал людей своими пантомимами. И когда он покидал какой-нибудь город, его всегда провожала грустная толпа жителей. Провожали Мульта, уговаривая остаться или приходить снова. Говорили, что Мульт приносит счастье в своих легких руках. А кто с радостью провожает свое счастье?

Таков был Мульт. Еще он любил Пушкина и ненавидел войну во Вьетнаме. Он слушал рассказы людей, но сам любил помолчать. Кто знает, может быть, в это время он вспоминал прошлогодний снег, а может, искал мирное применение термоядерной реакции. Да, он молчал много, на то он и мим.

Как-то в одном городе, где был мим, пошел снег. Снег был липкий, его было много. Мульту в его мыслящую голову пришла идея слепить снежную бабу.

Надо ли говорить, что Мульт в ту же минуту в нее влюбился? Он дал ей нежное, по его мнению, имя: Мультия. И от радости стал с ней танцевать. Мультия, конечно, не могла выдержать современного ритма и рассыпалась.

Мульт не мог понять, что произошло, а когда понял, ушел навсегда из города. Когда его спрашивали, почему он не возвращается туда, он отвечал:

— Там погиб мой лучший друг!

Тогда ему говорили:

— Останься у нас. Мы слепим тебе нового друга

— Нет, — не соглашался Мульт. — Лучше все равно не будет.

— Чего же ты добьешься в других городах?

— Меня узнает много хороших людей. Они будут рассказывать обо мне другим, другие — другим, и тогда сбудется моя мечта.

— Чего же ты хочешь в своей мечте?

— Я хочу стать сказкой...»

После чтения Ольга прошептала почти неслышно:

— Тебе нравится?

— Да, — ответила она подруге, тоже шепотом.

— Ты меня поняла?

— Еще бы, — откликнулась она. Как же ей не понять Ольгу, когда на своем веку ей самой довелось придумать столько разных сказок! — Но, мне кажется, встречаются лишние слова... И потом, разве нужно здесь о Вьетнаме?

— О Вьетнаме нужно везде! Кроме того, он еще отредактирует.

— Ты думаешь это отдать ему?

— Конечно, — ответила Ольга и подняла удивленные глаза. — А почему нет? Есть же в «Парусе» раздел творчества.

Сказка так и не была показана Марку, осталась ей на память. После отъезда Ольги она перечитала «Мульта» раз двадцать, пока не выучила наизусть.

Автопортрет (рисующей на полу). 1968.

...Взяв пятаки, они пошли к морю. На осиротелый берег. Притащили лежаки и разместились безупречно, на вполне приличном друг от друга расстоянии. Хотя и не слишком далеко. Алькины слова отлично слышались. Даже тогда, когда голос у него путался и окончания глотались. Это случалось часто, потому что Алька то и дело сбивался на серьезную тематику.

— Ты знаешь, что я раньше думал? — спрашивал он абсолютно безучастно.

— Нет, а что? — поддавалась она на провокацию.

— Я раньше думал, что тебе нравится Сергей.

— Какой еще Сергей? — удивлялась она, теперь уже просто по инерции.

— А тот, из «Школьных лет».

— Вот еще, с чего ты взял?

— Ты с ним три раза танцевала.

— Когда?!

— А на первом вечере... на Костровой, — торжествовал Алька. И голос у него срывался.

— Ты вел учет?

— Да, вел учет. Я сам подходил к тебе два раза, когда партнерами менялись. Разве ты не помнишь?

Молчание, — полное беспамятство. Пришлось незамедлительно менять содержание вопросника:

— Послушай, как ты умудрился тогда запомнить всех актеров-режиссеров? Ну, не тогда, а когда «Морозко» показали? Для своей рецензии? Тебе помог Марк Антонович?

— Вот еще, я сам!

— Феноменально!

— Правда? — ликовал Алька. — Я «Морозко» два раза видел еще до Артека...

Море шумело неласково, решило поштормить. А они читали стихи, и чужие, и свои. Алик творил все последние деньки, и стихи вышли у него отличные.

Берег никогда не покидает моря,
Море никогда не прощается с небом,
Небо всегда остается с луною,
Луна неразлучна со звездами,
Звезды повенчаны с песнями,
Песни рождаются с любовью,
А двум пришла пора расставаться
И с морем, и с небом, и с луною, и с песнями,
И даже друг с другом,
И, наверно, уже никогда-никогда-никогда

Они и не встретятся,
Больше не встретятся.

Потрясающе удачные строчки! Но по части луны и звезд Алька немного промахнулся. Небо с погасшими клочками туч напоминало пыльные верха павильона, где снимался бал, оно супилось и скучало. Светил на нем не различалось, оставалось их вообразить. Но вообще-то, в принципе, где-то всегда наблюдается небо в алмазах. Она тогда же подумала, каким нарисует Альку в первом же письме, которое отошлет ему из Москвы в Сальяны: певец в стане пионеров, воздетые кверху руки и разинутый до ушей рот, в горле будет виден звенящий колокольчик.

— Ты не обидишься на такое свое изображение?

— Нет, но пиши почаще.

Раза два она попыталась отвести душу, повспоминать Аликом про Ольгу. Но к ее попыткам Алик остался равнодушным. Только и было сказано — Что ж — Ольга... Ольга? «Тиха, печальна, молчалива...» Эх, Алька, Алька! Ровно ничегошеньки ты так и не узнал про нее!

Не едиными стихами жив человек — подступила пора ужинать. Они подошли к накату пены и бросили свои медяшки. Странное дело, в бурлящей кипени они и увидели, и услышали оба всплеска, сначала один, а затем и второй. Оставалось оттащить лежаки на штабель, и Алик отводом обе решетки. Они взяли друг друга за руки и дошагали рядом до первой узкой лесенки.

Зажигались торшеры, и в их подсветке аллеи и корпуса менялись, словно декорации. Море штормило в отдалении все глуше. И на последней лестнице она привсталала будто вкопанная. Поймала себя на мимолетном, давнем. Как странна поднимается к «Фиалке» там же, где и в первый вечер по приезде. Бывают же в жизни такие совпадения! Только тогда ее вела наверх Наташа, а теперь за ней самой плетется Алька. Бесконечно грустный... И его можно понять.

Медленно отступала в темноту аллея кипарисов, последняя перед выходом на освещенную площадку. Секунды на решение... На признательность за все: за «идиота», за «ничего и не знал», за дружбу, за стихи... за пальцы.

— Постой! — приказала она, придержав Алькину ладонь. Нужно было закрыть глаза, и она зажмурилась. Повернулась к Алику вслепую и поцеловала, не чувствуя, куда, в губы, висок, шею или щеку. Но это и неважно, вряд ли что соображала. И дико сердце колотилось. Но убежать и не подумала, отвергла

малодушие. К «Фиалке» вышла собранной. А вот Алик... Когда она обернулась, он все еще стоял, как статуя, в темноте аллеи...

Москвичи собирались для отъезда в «Горном». Оплывший Дантон, Галя, Раф, Иришка, — вокруг встречались лица, теперь уже знакомые. Но из «Полевой—Лесной» здесь была одна она. Если, конечно, не считать Альки.

Теперь она устроилась в «Икарусе», а он стоял под ее окном, оставался в отряде еще на сутки. И все происходящей ощущалось вдвое острее, потому что провожающих здесь толпилось множество: казалось, что и «горняки», и москвичи смотрят лишь на них двоих. Хотя на самом деле каждого поглощал собственный отъезд. И на Альку никто не обращал особого внимания.

Перед ее посадкой он извлек из-за ворота багровый «львиный зев». И передал ей. Сказал, что хотел сорвать сначала розу, но у розы все-таки шипы. И розу... стало жалко. Она подняла «зев» к окну и стала постукивать по стеклу соцветьями. Еле-еле слышно. Но Алька и без того смотрел на «зев» не отрываясь.

Дословно помнилось все, что написали ей в дневник перед разездом слетовцы.

«Около тридцати дней мы жили вместе. И вот мы расстаемся, — отпечатался в глазах милый Ольгин почерк. — Я уезжаю одной из первых. Увожу с собой память об Артеке, все самое хорошее, только хорошее, все то, что дал мне Марик, артековскую форму и, наконец, нашу дружбу. Ее мы делили с тобой пополам. В столь разных местах, в Москве и на целине, будут жить два артековца-слетовца. Очень хорошо, что мы попали в эту смену, это большая работа, высокая честь — быть на слете. Нашей дружбе помогала наша газета, милый наш Марк Антонович. Как я буду жить без всех вас, я не знаю, Надюша, дорогая, мы, конечно, не забудем друг друга.

6. VIII.1967 г. Ольга».

Здесь всё, весь месяц, и на первое место выведен Артек. После, разумеется, упомянут Марик, не забыта форма и, наконец, дружба. Чепуха, какие там места, все — одно целое. Алик написал свое напутствие тоже шестого августа, кое-что с намеком: «Вот и конец. Завтра мы разъезжаемся. Вряд ли когда-нибудь встретимся. Хочется, чтоб у всех остались в памяти эти дни. Чтобы пребывание здесь оставило самое светлое, самое заветное, чтобы сохранились самые сокровенные воспоминания». Далее следовали пляжные стихи в несколько облегченном виде:

*Волна не расстается с берегом,
С тобою расстанусь я.
Давай посидим, как тем вечером,
У нашего костра.*

Олег.

Самое заветное и сокровенное — это, естественно, задержка при выходе из кипарисовой аллеи на освещенную площадку.

В Алькином дневнике остался ее ответ: «Почему ты думаешь, что мы не увидимся? Мы должны встретиться, мы обязательно встретимся».

Зримые строчки стали расплывчаты, она очнулась и посмотрела в окно: Алик сжался, опустив голову. Она ждала когда же он снова посмотрит на свой цветок, решила, что «зев» засушит в артековском дневнике, рядом со стихами. В чемодане, кроме дневника, покоились и другие драгоценности: диплом и снимок у знамени, еще слетовский спецвыпуск «Пионерской правды». Он вышел к отъезду, как по заказу, пятого числа; первую страницу газеты расчленил десять квадратов, в одном из них поместили двустилие: «Кто сдружился в Артеке, тот сдружился навеки», в других — фотоснимки, а в последнем — ее заставку, хороводную игру. И еще три рисунка дали в конце номера. Взяла с собою: и большой рулон, двенадцать плакатов, оставшихся под

конец бесхозными в пресс-центре.

Она своего дождалась: Алька опомнился, вскинул голову, увидел «зев» и тут же отвернулся, уставился на Аю-Даг.

«Икарус» покатил, обогнул поверху незастроенную впадину, миновал стадион, за ним «плато рыданий и стенаний», повернул на развилке и, рыча, яростно понесся в гору. Гарь от ревущих выхлопов голубоватой завесью всклубилась позади и задернула шоссе, море зелени, корпуса, горбатую скалищу.

И еще — детство.

Иллюминатор, казалось, вот-вот накалится от лучей, быстро набиравших силу. Соблазн причалить к феерическому зрелищу был неодолим, оно притягивало магнитом. Гречко искоса посмотрел за борт, но тут же легонько отвел от себя выпуклый обод иллюминатора. Он поборол искушение, зажмурился, чтобы не залюбоваться космической зарей. Огромная полусфера Земли уже появилась из бездонного мрака и, плавно вращаясь, отсвечивала шелковистыми оттенками оранжево-голубой гаммы. Бортинженер попытался представить за кривизной радужной яркости незримую крупицу, родной дом с его антеннами. Над ними никогда не струятся неземные переливы красок. Там, за терминатором, над обжитой, но немыслимо далекой улицей, давным-давно уже сгустился завьюженный тягучий вечер. Вызвать воображением столичный уголок ему, увы, не удалось. Едва смежились веки, как ориентация в пространстве исчезла, и глаза пришлось раскрыть без промедления.

Слабо отторгнутый диск иллюминатора мячом скользнул бортинженеру под ноги, и свет перестал слепить. Уплывая прочь, Гречко хоть и мельком, но успел засечь на фоне восходящего солнца слабо различимые ступеньки. Все те же... Парадокс явления вновь уколол сознание наподобие занозы. Аксиома: потоки воздуха над Землей циркулируют мощно, непрерывно. А космос неожиданно показал: атмосферный бассейн планеты сохраняет вместе с тем и некую постоянную «этажность», он хоть и малозаметно, но рассечен по горизонталям. Инертность неведомых полосок не могла не удивить. Любопытная странность: он, тридцать четвертый космонавт, отметил ее первым. Для себя, сверхпланово. Как знать, эти акварельные полосы, замеченные вечером, дня три назад, — не дадут ли они со временем основу для наиболее совершенных методов изучения стратосферы? Или перемен погоды?

— Жора, — подавил птичье перещелкиванье приборов басовитый баритон Губарева, — хорошо бы еще раз проверить «Каскад»... если найдешь время...

Голос доносился снизу. Гречко кивнул головой, не обернувшись. Они с Алексеем понимали друг друга с полуслова, даже молча. Бортинженера и командира экипажа станции «Салют-4» сдружало многое. Оба были ровесниками, оба тяжело перенесли в детстве фашистское нашествие, оба впервые обживали сообща и орбитальную станцию, и космос. Первый полет, фантастика!.. В последние годы они с головой уходили в

совместные тренировки, в изучение множества премудростей. Теперь системы и приборы «Салюта» дружно и щедро трудятся у них почти на сотню научных направлений. Не шутка! Одоление космоса стало для обоих делом жизни, основой согласного общения. Губарев свои командирские тяготы нес достойно, черновой работы искал, а не чурался, и субординация в общем-то соблюдалась лишь в том, что на связь с ЦУПом^[3] командир выходил первым.

Накануне они вместе сменили локальник, осилили первую ремонтную работу, и коммутатор снова заработал исправно и надежно.

Загадочный раздражитель дал о себе знать снова. Он па бередил подсознание невнятно, досадил по-комариному. Непривычное состояние породили отнюдь не атмосферные полосы. В память просилось пробиться нечто подспудное, не зримое — словесное. Для успокоения второй сигнальной системы Гречко проиграл мысленно календарный распорядок Шел девятнадцатый день полета, и январь на станции кончался вполне благополучно. Он и Леша вели работу на совесть, кое в чем опережая завтрашний, уже февральский график: с утра так и наметили. Обед поэтому прошел весело, на десерт устроили дегустацию, наконец-то распечатали цукаты! День выдался вообще относительно легкий и спокойный поначалу был забит всего лишь медэкспериментами. Они взаимно провели электрокардиографию. Как следует себя «продули», измерили легочную вентиляцию и выполнили пробы, функциональные, после вращения в креслах. Ультразвуком уточнили плотность костной ткани, степень истощения голеней за время невесомости (неужто они и впрямь уже длительное время пребывают в космосе?!). В очередной раз «попили кровушки», произвели ее отбор для послеполетного анализа на Байконуре. Вспомнили при этом, как взлетали там в чудовищном тумане, и, несмотря на полночь, не различили даже при подъеме пламени. Утром еще пришлось крепко попотеть на велоэргометре, буквально семь потов спустили. Впрочем, пот не стекал, а набухал на коже, — еще одно и непривычных ощущений, тягостное противостояние человеку бездонной глухоты мироздания.

Вот — велоэргометр... Он стал вместе с ними пионером космоса. На других станциях такого не имелось. Презент от любимого КБ. Приспосабливаться к новинке пришлось непросто как и к невесомости. Даже в чем-то неспособней. Одно дело когда товарищ извивается вокруг тебя наподобие аквалангиста, и совсем иное, когда он же зависает в седле тренажера вниз головой и начинает накручивать педали. Знаешь — «потолка» не

шлепнется, и все же... будто в цирке. Еще один сдвиг привычных представлений, неземное обитание.

Хотя, что такое велоэргометр по сравнению с «Филином» или ИТСК? Им, «Зенитам», техника вручила первым всевидящее зрение. Им даны глаза приборов, чьи взгляды проникают: один — в потемки ультрафиолета, в никому не зримую сферу рентгеновских лучей, а второй — во тьму инфракрасной области, тоже недоступной человеческому зрению. Первый прибор недаром и зовется «Филином», вместе с ИТСК они неизмеримо, в обе стороны, расширили естественный для людей, но, к великому сожалению, весьма малый отрезок светового восприятия.

«Филин» конструкторы вынесли наружу, он сидит на станции. А инфракрасный телескоп-спектрометр, этот самый ИТСК, он зависим от космонавта, им надо управлять, — он инженерно ближе. Харьковчане, золотые руки, разработали превосходный криостат; этот морозильник так охлаждает приемник излучений, что в сотни раз — в сотни! — повысилась чувствительность спектрометра.

Съемки в инфракрасной области для них, «Зенитов», особенно ответственны: начато изучение галактического вещества на уровне молекул. Открывается тайна той части материи, какую еще недавно ученые числили «слепой». А теперь вот удалось «запортретировать» Сатурн. Инфракрасный облик Луны для астрофизиков окажется наверняка не менее полезным. Но когда телескоп наставляется на родную Землю, невольно возникает особенное чувство. Про себя можно признаться, не смущаясь: чувство это трогательно, и душа невольно, как-то по-детски, расслабляется. Чуть-чуть...

Огромный глобус, по шестнадцать раз в сутки он возникает из мерцающей черноты быстропроходящей «ночи». Округлость Земли не вмещается ни в один иллюминатор. В обед, смакуя цукаты, одобряя их вязкую свежесть, они с Лешей наблюдали цветастый — обширный и все же ограниченный сектор земной поверхности — от БАМа до Персидского залива. Какое оно, в сущности, сиротливо-крохотное, это единственное пристанище, милый гагаринский шарик, раскрученный чудовищными силами в мертвящей бездонности пространства! Нет около него никаких неопознанных объектов, нет ни блюдец, ни тарелок, нет инопланетян (а хотелось бы их встретить!) — и тем более нет ни духа изгнания, ни шестикрылых серафимов. Нет и нет, одни разноприродные миры, непрестанно отдаляемые друг от друга гигантским и молниеносным расширением. И вот он, молчаливый, но зоркий ИТСК, сигналил им, «Зенитам», а через них и всему человечеству: берегите свою защитную опрау, в

оболочке голубой планеты скопилось уже нестерпимо много серы, метана, разных окислов, — разве допустимо навзрывать еще в нее и стронция!?

Термо-яд... Неужели Земля от рук самого человека запыляется, как и Солнце? И не погасит ее пламя даже тот предельный холод, какой навеки затаен меж звездами, — минус двести шестьдесят восемь градусов по Цельсию! И уже ничего не оживет на шарике...

Гречко вздохнул, переместился и пристегнулся ремнями у «Каскада». Ноги, словно маятник, отводило в сторону. После «Чибиса» с его усиленным кровенаполнением конечностей сохранялось ощущение, что икры и левая стопа все еще чужие.

Станцию медленно вращало, но работалось удобно. Исподволь снова напомнила о себе вторая сигнальная система. Беспричинной натяжки памяти оказалось достаточно для того, чтобы рассредоточилось внимание. Гречко посмотрел в сторону Губарева, словно ожидая, что Алексей объяснит ему назойливое в подсознании. Но командир капитально закрепился в кресле, готовясь к вечернему докладу. Он с головой ушел в таблицы, никакие рефлексy его не будоражили, Гречко пожалел, что оттолкнул от себя иллюминатор. Секунды две-три, пожалуй, можно было бы разрядиться, наблюдая восход. Теперь вот, наверное, все-таки и саднят его именно тот подавленный соблазн и глухое сожаление.

Сожалеть можно, соблазняться не годится. Они с Лешей изначально приучили себя вести счет полетному времени посекундно. Губарев — особенно. Шесть лет он ожидал своего звездного часа (изречение начала века, но буквально точное). Шесть лет! Коварный вопрос: будь он, Гречко, летчиком или испытателем, как Губарев, смог ли б он решиться оставить авиацию, где ежедневно можно отдаваться любимому призванию, реактивным полетам, и начать овладение неведомо сложной профессией, где первый взлет приходится выполнять спустя долгие годы, и это еще счастье — если к нему все-таки допустят! А дальше неизвестность: вскоре ли состоится и состоится ли вообще второе любовное свидание? Губарев, он такой, — решился.

И теперь у них обоих согласованная установка: хорошо, когда выполняются два дела одновременно, еще лучше, когда можно совместить и три. И чтоб со знаком качества. Днем так и получилось: выдали необходимые данные медикам, а сверх того еще и справки киргизским пастухам, потом еще Маркову из ФИАНа^[4] и таежным лесоводам. Информации идет от них столько, что связных каналов не хватает.

— Гоша, ну как там у тебя с «Каскадом»? — Губарев зовет его то Жорою, то Гошею, но это однозначно.

Гречко отстегнул ремни. Перепроверка закончилась вовремя, станция замерла, вращения не ощущалось.

— Лады, настройка не откажет. Осложнений не предвижу. — Ручаешься?

— Ручаюсь.

Озабоченность Алексея объяснима: «Каскад» — система новая, она у них на доработке. Новинка из разумнейших. Включи ее в бортовой контур управления, и она самостоятельно удержит «Салют» от нештатных эволюции. Двигателям ориентации «Каскад» уже сберег уйму топлива, заодно продлевая и жизнеспособность комплекса. К нему, отлаженному, теперь такое чувство, будто к третьему члену экипажа. Завтра, при наблюдениях Вселенной, он станет у них безупречным штурманом.

Сорок минут отлетели прочь, еще один космический день остался за бортом, иллюминатор окрасило закатом. Подсознание прокололи и мысли о закате. Несуразица, такого на орбите еще не ощущалось. Так в чем же дело? Автонавигация отлажена, за остальной арсенал беспокоиться бессмысленно, в памяти всего не перебрать. Действительно, — сотня направлений... И программы, и системы, «Левкой», «Оазис», «Кт-240», «Дельта», «Полином», ОСТ-2, «Строка», «Лабиринт», датчики, агрегаты, измерители, счетчики, звездные фотометры. Если взять общий вес приборов, то это две тонны с половиной. Машина, мигающая цифрами и дрожащая стрелками, она живет своей особой многомерной жизнью. И все это скопище техники, громоздкое и хрупкое одновременно, прямо-таки нагружено на его, Гречко, плечи. Спасибо невесомости, когда б не она, могло бы и расплющить. Но если он, бортинженер, что-либо упустит, столкнется с непредвиденным, стоустый и стоокий ЦУП все равно вовремя про забытое напомнит, промахи предупредит, нечеткости исправит, поможет разобраться в неполадках и помехах. Так при чем тут подсознание? Инженерной беспомощности в бортовом журнале еще не отмечалось!

А что, если напоминают о себе новости, полузабытые просьбы и советы? Но сообщения землян были нынче все как на подбор, до конца лестные. Работу «Зенитов» в ЦУПе похвалили хором, приятна была и мирская хроника. В спорте получалось все здорово, Родника и Зайцев стали чемпионами Европы, для Ириши ее золото — седьмое. У мужчин после обязательной программы лидер Ковалев, за ним Овчинников, Керри остается третьим. У боксеров счет 8: 2 не в пользу янки, наши мо-лод-цы! Папе-

филателисту сыновья передали, что вышли первые марки года, к юбилеям «Комсомолки», «Пионерки» и к зимней спартакиаде профсоюзов, здесь даже Алексей подмигнул и усмехнулся. Впрочем, ангелы-хранители из группы психологической поддержки недобрых сообщений на «Салют», как правило, не пропускают, берегут небожителей от стрессов и нежелательных эмоций. Хотя...

Хотя вчера про Орлову «Заря» не утаила, не смогла смолчать. Анята, Стрелка, Марион Диксон, «Мэри делает чудеса, улетайт на небеса»... Улетела, все еще не верится.

— Стоп, — Орлова! Орлова — Рушева, Надежда и Любовь! Вот оно что: обещание, «Мальчиш»! Сегодня же последнее число января, день рожденья Нади!

День ее рождения... А шесть лет назад, весной тысяча девятьсот шестьдесят девятого года его, Гречко, тоже ошеломила немислимая вестъ. Не стало юной художницы, чья кружевная графика так ему полюбилась. И не только он один благодарно оценивал ее необычное искусство. Многим становилась известной запись Ираклия Андроникова, оставленная на одной из Надиных выставок писателем, искушенным в тончайших проявлениях духовности:

«То, что это создала девочка гениальная, становится ясным с первого рисунка. Они не требуют доказательств своей первозданности».

Запали в память и сходные слова, какие написал тогда же и Василий Алексеевич Ватагин, скульптор и умудренный опытом советчик Нади; посмертную статью академика поместила «Юность», в ней читали:

«Беспощадная жестокость судьбы вырвала из жизни только что расцветивший талант гениальной московской девочки Нади Рушевой. Да, гениальной, — теперь уже нечего бояться преждевременной оценки».

Что касается его самого, то Георгий Михайлович Гречко был известен в ту пору, пожалуй, лишь в конструкторском бюро Королева, на Байконуре да еще в отряде космонавтов. Тоже немало, но писать о нем не писали, фотографий не печатали. До поры до времени... Но он и в те годы, которые и теперь еще видятся недавними, готовился к полету, теперь ставшему полусказочной реальностью. Минувшее присутствует на борту, о нем напоминает вполне земная и безмерно дорогая сердцу малость.

Перед отлетом на космодром у него, бортинженера, уже утвержденного в составе экипажа, возникло внезапное желание побывать у Рушевых, познакомиться и попросить родителей Нади доверить ему хотя бы одно творенье дочери — на время двухмесячной отлучки. На желанную память о выставках, какие посещал, о радости познания неистощимой девичьей фантазии.

Путь на седьмое небо всегда, наверно, останется нетореным во многих своих частностях. Космонавтика уже приняла и такой термин, как сенсорный голод, состояние, рождаемое в человеке

нарастающей оторванностью от родимого, прожитого, всегдашнего; утолять его надлежало тем, что близко сердцу. Сборы завертели с головой, но в декабре, когда время оставалось уже считанное, он решил пожертвовать двумя-тремя часами ночи и набрал номер телефона, подсказанный связисткой. Отозвался отец Нади, представились друг другу и договорились о сверхсрочной встрече; за поздний звонок, разумеется, пришлось извиняться.

Он взял с собою младшего сына, Мишу. Пятикласснику тоже хотелось «побывать у Нади». Машину пришлось вести потцовски, осторожнее обычного, и до Рушевых добирались долго.

В передней, настолько тесной, что раздевались по одному, с хозяевами свиделись, как то и следовало предположить, сдержанно, если не сказать тягостно:

— Николай Константинович... Наталья Дойдаловна...

Несмотря на седоватую бороду и сильно оголенный лоб, отец Нади выглядел молодожаво. Его отличали спортивная стать, испытующий взгляд влажно блестящих глаз и, это особо, пальцы: крепкие в рукопожатии, они с дрожью после не справлялись. Сдержанность матери оттенялась этой отцовской возбужденностью. Прислоненная к стене фигура Натальи Дойдаловны показалась хрупкой. Невысокая женщина с восточными чертами лица, в черном, под цвет волос, платье, с полупущенным взглядом и глухо молчаливая запомнилась ему, как живое олицетворение неизбывной скорби. Щемящее знакомство сгладилось тем, что и сам он, и Михаил многое знали о всех Рушевых из газет, журналов и буклетов.

Цепко запала в память и комнатенка Нади: малоудобная, узковато-тесная, не будет и десяти квадратных метров. Желтенький стол вблизи окна, по соседству с настенной книжной полкой; с нее на вошедших поглядывал Эль Греко, его овально-лаковый портрет.

— Здесь, в общем, все и рисовалось, — кратко пояснил Николай Константинович. — Творила перед сном обычно, самое большое минут по тридцать-сорок, выпускала на бумагу дневные накопления. Это было ей в разрядку, после рисования спала всегда спокойно.

Слушая отца, он машинально потрогал столик. Вот где, значит, феноменально точно семнадцатилетней школьницей были вызваны к зримой жизни последние шедевры, галерея многоликих персонажей «Мастера», ставшая общепризнанной, почти хрестоматийной...

— Да, оказалась первопроходцем, — верно уловив его мысли, отозвался Николай Константинович. — А это как раз подарок

Маргариты, — продолжил он снова скупой, указав на портрет Эль Греко. — Дар Елены Сергеевны Булгаковой, признательность за композиции. Она поразилась, поверьте, узнав себя в Маргарите, она поразилась тому, что Надя прозрела сходство даже в лицах...

Наступили минуты, когда оба остались наедине в соседней комнате, вмещавшей в себе всю прочую квартиру — и столовую, и гостевую, и вторую спальню. Здесь впечатлял шкаф, хранилище десятков папок, и еще фотопортрет Нади, на серванте, большой, почти в натуру.

Они вдвоем привстали у портрета, Наталья Дойдаловна и Миша где-то отстали; Николай Константинович пояснения продолжил шепотом:

— Мы приехали с ней из Ленинграда, там Надю снимали в документальном кинофильме, на Мойке — двенадцать, в последней пушкинской квартире. И ничего не предвещало, не замечалось ни малейших признаков, — заторопился отрывисто рассказчик, переходя к развязке. — Вернулись пятого-марта, а шестого утром после завтрака, когда стала собираться в школу... — Николай Константинович не досказал и отвернулся от портрета. Затянулась пауза. — Теперь ленинградцы готовят ее большую выставку, она будет уже сто двадцать первая по счету. Экспонируют в Пушкине, в галерее Камерона. И этот портрет скоро отправится на выставку, — заключил Николай Константинович, преодолев молчание.

— Состоялось уже сто двадцать выставок? — сам он поторопился с вопросом, искренним удивлением помогая отвлечься собеседнику. — Факт, наверно, беспримерный. Я сам ведь ленинградец и завидую землякам: они опять увидят Надины работы... И что же, врачи не помогли? — неожиданно для себя он тоже перешел на шепот.

Николай Константинович вместо ответа достал записную книжку, открыл ее на закладке и молча дал прочесть запись, мелкую, но четкую. Пришлось быстро пробежать глазами:

«Диагноз. Дефект сосуда головного мозга — субархноидальное кровоизлияние — разрыв аневризмы вализиева круга...»

Николай Константинович отобрал книжку:

— Редчайший случай. На миллион рождений вряд ли приходится один, может быть, и много реже. Врожденный дефект, и никогда ничем он себя не проявлял. Врачи делали все возможное, в течение пяти часов. Но... область поражения была самая глубокая...

Разговор оборвали. Наталья Дойдаловна привела Мишу, и

уже вчетвером они стали смотреть папки, взятые из шкафа. Он выбрал и взял с собой «Мальчиша-Кибальчиша».

— Биографию Нади я читал и помню: ваша дочь — январская, родилась тридцать первого числа. Будете отмечать ее дату, включите ваш «Волхов», я постараюсь показать в программе «Время» Надиного «Кибальчиша», — было дано на прощанье такое обещание.

И теперь, на «Салюте», картины памятного вечера у Рушевых подробно очертились в памяти.

Подсознание, ты тревожилось напрасно. Еще вчера он, Гречко, предусмотрительно пометил на календарном графике возле броской цифры «19» — день полета — маленькое «м».

И сегодня, только стали бы собираться к вечернему сеансу связи, он конечно же вспомнил бы, что дата связана и с Надей. А днем — что днем... График оказался не таким уж легким и спокойным, все пришлось отдать нескончаемой работе, мысли о земном привычно отступили в глубину сознания.

Гречко откачнулся от стены, вытянулся и напрямую, нырком, отправился за «Мальчишем».

Перед полетом их докучливо пытали журналисты: что сверх расписания берет с собою в дорогу экипаж? Алексей отрезал коротко: ничего! Объяснил: не для того шесть лет Госбанк тратил на него червонцы, чтобы он, Губарев, за пределами Земли отвлекался от работы. Крепко вымолвил. После Алексея сложно было признаваться, что вот он, Гречко, все-таки прихватил с собою несколько почтовых марок и еще... фантастику, для сверки, так сказать, на месте. Про Надин рисунок пришлось промолчать: могло сойти за перебор. Теперь на белый свет перед Лешей должен был появиться и рисунок.

Заранее, до позывных «Зари», они проверили микрофоны, прочую радиооснастку и заняли места напротив передатчика. Он достал приготовленного «Мальчиша» и показал его командиру:

— Рисунок Рушевой, взял у Надиных родителей. Обещал показать его отсюда нынче, в день ее рождения.

Губарев сосредоточенно прищурился, прищурился и промолчал, промолчал и посмотрел куда-то в сторону, отрешенно.

— Люблю ее графику, — добавил Гречко.

— Дай посмотреть, — отозвался Губарев и протянул руку. Взяв листок, он повернул к себе «Мальчиша».

— Мы вчера горевали с тобою об Орловой, — вольнее разгорячась, продолжал Гречко. — Не знаю, как тебе, а мне все еще не верится. Так переживал я, помню, и за Надю. Тоже самородок, и всего семнадцать лет... Представляешь, нынче меня

к вечеру стало что-то отвлекать, а что и куда, я так и не додумал. Убедил себя только в том, что тревожит не работа. А это память мне сигналила про Надю и «Мальчиша». Так я иногда думаю, шестое чувство и Надю подгоняло: взрослей, мол, побыстрей, познавай, развивай умение, твори, чувствуй, что срок отведен тебе совсем ничтожный. И она успела, оставила нам столько, что трудно и представить, я же видел ее папки. Совершила подвиг, подвиг для души, совершенно бескорыстный. Она, подвижница, достойна стать нашей гордостью. А с другой стороны — несправедливость бытия. И хочется противопоставить что-то, почеловечески закономерное слепой несправедливости...

Алексей выслушал его, не перебивая, но и как-то сумрачно. — Но что же все-таки... — процедил он и оборвал свой вопрос, покусывая губы. Помолчал опять и поднял «Кибальчиша»: — Лихой парень, у него все глазами сказано.

Гречко понял недомолвку и уже суховато, сжато передал рассказ Николая Константиновича и заключение медиков.

— Хорошо, что получается день в день, — одобрил командир, возвращая наконец рисунок. — Я говорю, очень хорошо, Георгий, что ты не забыл обещания родителям. Устроим первый вернисаж Нади в масштабе всей планеты. Он заслужен. Отметим ее дату. Ведь это же еще и памятник Гайдару. А после прикрепи нашего «Мальчиша» где-нибудь так, чтобы мы втроем смотрели на Вселенную. Не зря же со звездой...

Оконный свет квадратами вырывал из темени зелень стриженных газонов. Ленинская комната была полна; рядовые, ефрейторы, сержанты разобрали все столы и стулья. Олег Сафаралиев, комсорг соединения, помогал редактору стенной газеты составить наметки праздничного номера. В день рождения Нади работа ладилась медленно, часто вспоминались «Алый парус» и пресс-центр. Вдобавок то и дело слышалось:

— Комиссар! Комиссар! — Сафаралиева отзывали то сюда, то туда, обращались за справками, советами, просили рассудить. «Комиссар» — это стало меж товарищей нестроевым званием комсорга, и Олег однажды написал домой с нескрываемой гордостью: «Ребята меня теперь называют комиссаром».

Бакинский институт был окончен перед призывом, диплом историка повышал авторитет комсорга. Общественные науки в армии важны каждому, и не счесть уже, сколько раз помогали ребятам консультации Олега. Впрочем, доверие к нему укрепляло и многое другое: спортивные заслуги, начитанность, приверженность юмору, мастерство нардиста.

— Комиссар! — послышался оклик чересчур громкий, в десяток голосов. — Комиссар, посмотри скорее, интересно...

Сидевшие у телевизора врубили звук на полную катушку, и Олег услышал: «Рушевой...» В дрожащем, чуть расплывчатом кадре на экране неясно различались фигуры космонавтов. Он ничего не смог сообразить и стушевался еще более, когда весь экран заполнила четко очерченная, с углями-глазами голова в буденовке. «Кибальчиш... артековский... в космосе... откуда?...»

Ленинская комната, казалось, растворилась в сизых отсветах экрана. Но сюжет сменился, и все задвигалось, все завосклицало. В первый раз комсорг ушел от расспросов, не поведал подопечным ничего путного, сам невнятно переспросил тех, кто перехватил первые слова Георгия Михайловича Гречко. Он вслушивался в нестройные голоса товарищей и ловил себя на том, что объяснить происходившее в космосе не может.

В глазах возникла далекая строка: «Завтра мы разъедемся. Вряд ли когда-нибудь увидимся». Его тогда утешали, — увидимся, мы должны увидеться, мы обязательно увидимся. Но он оказался прав. А впрочем... Неужели сейчас они действительно увиделись?

Женский голос певуче сообщил, что в Москве завтра ожидается теплая погода, всего четыре градуса мороза.

Комсорг отошел к окну, чтоб укрыть от окружающих свой взгляд и чтоб увидеть в ночи между зелеными квадратами газонов каменную лестницу. Он различил ее длинные ступени, залитые солнцем, а также скульптуру пионерки с ласточкой. Сухой глоток: возле постамента присела черная, как смоль, артековка с папкой на коленях. Она вынула бумагу, авторучку. Олег зажмурился, чтоб разглядеть лестницу получше. Он увидел, что около постамента стоит еще и мальчик, тоже черный, как смоль, склоняется к рисующей и говорит ей про Сальяны и доктора Мирзаги.

Наталья Дойдаловна ожидала программу «Время» в одиночестве, Николай Константинович уехал в Ленинград. Она долго его не отпускала, знала, что на выставке ему не избежать волнений. Николай Константинович однако своего добился: взял себе в компаньоны знакомого журналиста, человека пожилого. И Наталья Дойдаловна уступила просьбам, попросила сопровождателя оградить мужа от перевозбуждений.

В январе она просмотрела несколько передач из космоса и всякий раз удивлялась в глубине души тому, что космонавт, чье улыбочное лицо открылось миру, так похож на того немногословного человека, который так недавно побывал у них.

Николай Константинович позвонил в Надин день к вечеру, был все же заметно взбудоражен. Рассказал: пушкинский музей выпустил чудесную афишу, и очередь желающих попасть на выставку растянулась уже с утра от галереи через парк, наверное, до Грота, конца не видно, ее фотографируют. Официальное открытие состоится в двадцать часов. Дату дочери отмечают в Золотом зале дворца, разослана масса пригласительных билетов. Будут все устроители из музея Пушкина, и Минина, и Галушко, и Грановская, и Голлер, — музейных сотрудниц Наталья

Дойдаловна давно уже знала по фамилиям. Будут и супруги-режиссеры, Калинина и Литвяков, снимавшие Надю в пушкинской квартире. Филармонический квартет сыграет Рахманинова, второй концерт, Надино любимое. Обещала быть Олюшка, целинница, — узнал, какой институт она заканчивает — имени Вавилова. Будет исполнена также написанная к вечеру поэтическая композиция. Ожидают, что свое слово скажет и профессор Бурсов. Словом, церемония продлится допоздна, «Время», скорее всего, никому увидеть не удастся. Но спутник-журналист обещал подежурить возле телевизора, и если там тоже состоится, он принесет в зал сообщение.

Николай Константинович просил никоим образом не пропустить вечерней передачи. Никоим образом! Все подробности запомнить по возможности и записать на память. Но про ожидание никому не говорить, никому, ни в коем случае: мало ли... Свои просьбы Николай Константинович разъяснял до тех пор, пока Наталья Дойдаловна не обронила: — Так и знала, ты уже как в кипятке. Успокойся, Георгий Михайлович не забудет, сделает, что сможет, — сама она в этом почти не сомневалась.

Николай Константинович смешался и повесил трубку...

Маленький «Волхов» продолжал уже много лет служить на совесть. Наталья Дойдаловна внимательно выслушала все, что рассказал Губарев о работе на орбите, замерла, когда заговорил Гречко, затем восприятие разрушил телефон. Позвонили Карцевы, Алеша и Володя, двоюродные братья мужа, — нервно, торопливо: — Наташа, ты «Время» смотришь? Включи! Скорее!.. — пришлось отвлечься, так что всего долю секунды видела она рисунок дочери в крохотном оконце «Волхова». Но Наталье Дойдаловне было довольно и этого мгновения.

После передачи телефонные вопросы зазвучали иначе:

— Вы видели? Вы знаете?.. — звонили Григорьевы, чья дочка, Лена, была в школе Надиной напарницей, другие одноклассницы, три Наташи, Дикович, Миронова и Плошкина, звонили сослуживцы. Все просили разъяснений и еще подробностей. Последним пробился Марк Антонович, Надин артековский вожатый, говорили долго. К полночи затихло, «Волхов» погас, окно оставалось наглухо зашторенным. Наталья Дойдаловна присела на кровати Нади, сложив руки на коленях, и ощутила в себе давно забытое чувство усталого спокойствия. Она ни о чем не думала, не хотела думать, потому что слушала и боялась потревожить свое едва различимое дыхание, в тишине и темноте похожее на дыхание спящего...

Примечания

Ты мне нравишься (азерб.).

На школьном жаргоне 60-х гг. — кинодетектив. —
Примечание О. Сафаралиева.

ЦУП — центр управления полетом.

ФИАН — Физический институт Академии наук СССР.